

И. М. Те́йзер

ЧЕХОВ
и
МЕДИЦИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МЕДГИЗ — 1954 — МОСКВА

ВВЕДЕНИЕ

Народы нашей Родины, все прогрессивное человечество отмечают в 1954 г. пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя, замечательного деятеля мировой культуры Антона Павловича Чехова¹.

Чехов — один из любимейших писателей нашей страны. Его любят за яркий талант, за демократизм, за благородный гуманизм.

Чехов близок нам своим социальным оптимизмом, мечтой о красивой и честной жизни, построенной на свободном, творческом труде.

И в больших повестях, и в пьесах, и в небольших рассказах великий русский писатель Чехов правдиво показал жизнь современной ему трудовой интеллигенции и простых «маленьких людей» в царской России. Он беспощадно разоблачал все темные стороны современной ему действительности, с радостью приветствуя все новое, передовое.

Чехов в своих произведениях показал нам типические черты характера прогрессивной части интеллигенции дореволюционной России, создал образы врачей-тружеников, подчеркивая их демократизм, преданность народу, любовь к своему благородному делу.

Чехов был не только замечательным русским писателем-реалистом, но и образованным врачом своего времени, горячо любившим свою профессию, с глубокой симпатией относившимся к деятельности русских врачей.

Отстаивая честь и достоинство передовых врачей, Чехов беспощадно разоблачал врачей-рутинеров и тех,

А. П. Чехов умер в ночь на 2 июля 1904 г. на курорте Баденвейлер (Германия). 9 июля похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

кто использовал свою профессию в целях корысти и наживы.

В настоящей книге мы поставили перед собой задачу показать на фактическом материале, что медицинское, естественно-научное образование, полученное Антоном Павловичем Чеховым в Московском университете, помогало ему как писателю глубже понимать человеческую психологию, верно изображать душевный мир его героев.

Чехов гордился своей профессиональной принадлежностью к врачебному сословию. В течение всей своей жизни, за исключением разве ялтинского периода, когда тяжелый недуг подорвал его здоровье, он не расставался с врачебной деятельностью, пристально следил за достижениями медицинской науки.

Это необходимо подчеркнуть потому, что некоторые биографы Чехова считают, что, став писателем, он медицину забросил.

Такой взгляд глубоко неверен. Антон Павлович уделял своей практической врачебной деятельности большое внимание, любил ее. Образованный врач, воспитанный на лучших традициях отечественной медицины, Чехов был врачом-гигиенистом и видел корни массовых болезней и высокой смертности в тяжелом, безрадостном труде, в темноте и невежестве народных масс, в плохой постановке медицинской помощи населению.

Врач-материалист, он глубоко верил в профилактику и гигиену как надежное средство предупреждения болезней.

Врачебные советы, которые Чехов давал своим знакомым и пациентам, убеждают в том, что он разделял точку зрения своих учителей по медицинскому факультету — Г. А. Захарьина, А. Я. Кожевникова и А. А. Остроумова, и в душевном покое человека видел важный момент в лечении любого заболевания.

В том, как Чехов изображает в своих произведениях тяжелую жизнь трудящихся масс в буржуазном обществе, чувствуется горячий протест великого русского писателя-демократа против праздной, паразитической жизни эксплуататорских классов; в то же время его произведения вплотную подводят читателя к мысли, что виновником всех бедствий — голода, нищеты и болезней — русского народа является общество, построенное на

социальном неравенстве, на эксплуатации человека человеком.

В этом огромная заслуга Чехова художника-реалиста. У Чехова не было оформленного политического мировоззрения, которое позволило бы ему правильно решать все мучившие его социальные проблемы. Но он, прогрессивный русский писатель, гуманист и демократ, верил в творческие силы народа, в то, что новая, радостная жизнь, когда все будут трудиться и все будут счастливы, — не за горами.

Жизнь, о которой так страстно мечтал Антон Павлович Чехов, наступила в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

Автор приносит глубокую благодарность Марии Павловне Чеховой, Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой и писателю Николаю Дмитриевичу Телешову за сообщенные ему ценные сведения, которые позволили полнее осветить некоторые стороны биографии Антона Павловича Чехова.

І. А. П. ЧЕХОВ — ВРАЧ

Антон Павлович Чехов родился 17 января 1860 г.¹ в Таганроге.

Дед его, Егор Михайлович Чех, был крепостным помещика Черткова, сын которого был впоследствии очень близок к Толстому.

Егор Михайлович за большую по тому времени сумму — 3500 рублей — выкупился с семьей у помещика и, получив «вольную», стал работать управляющим донскими имениями графа Платова, сына атамана Платова, героя Отечественной войны 1812 г.

Отец Антона Павловича, Павел Егорович, поселился в 1844 г. в Таганроге, где служил у купца Кобылина, а в 1857 г. открыл свою бакалейную лавку. Павел Егорович был женат на дочери таганрогского купца, Евгении Яковлевне Морозовой, от которой имел пятерых сыновей — Александра, Николая, Антона, Ивана и Михаила — и дочь Марию.

Невесело протекало детство у Антоши. Отец воспитывал детей в большой строгости. «Оплеушины, подзатыльники и порки были явлением самым обыкновенным», — писал, вспоминая детские годы, старший брат Антона Павловича Александр Павлович Чехов. Антон Павлович говорил как-то В. И. Немировичу-Данченко, что никогда не мог простить отцу, что он сек его в детстве.

В 1869 г. Чехов поступил в Таганрогскую классическую гимназию. Годы учебы были очень трудны для Антоши. По несколько часов в день — утром до занятий и вечером после них — он должен был проводить в лавке отца, помогая ему в торговле. Кроме того, Павел Егорович очень любил церковное пение, был регентом

¹ По старому стилю. В дальнейшем все даты указываются также по старому стилю.

церковного хора и заставлял всех детей с самого раннего детства участвовать в нем.

«Тяжеленько приходилось бедному Антоше, только еще слагавшемуся мальчику, с неразвившейся еще грудью, с плоховатым слухом и жиденьким голосом, — вспоминает брат писателя Александр. — Немало было пролито им слез на спевках и много здорового детского сна отняли у него эти ночные, поздние спевки...».

Мало радости доставила Антоше и Таганрогская гимназия. Гимназия эта, по воспоминаниям писателя Тан-Богораза, представляла арестантские роты особого рода. «То был исправительный батальон только с заменой палок и розг греческими и латинскими экстемпоралиями...»¹.

Торговые дела Павла Егоровича шли все хуже и хуже, он разорился и в 1876 г. бежал от кредиторов в Москву, где в то время уже жили его старшие сыновья — Александр и Николай.

Антон Павлович остался один в Таганроге. Он усердно занимался и, наряду с этим, давал уроки, чтобы прокормиться самому и немного помочь семье.

По окончании гимназии Антон Павлович приехал в Москву, где поступил на медицинский факультет Московского университета.

Почему он выбрал этот факультет? Биограф Чехова, А. Измайлов, пишет по этому поводу следующее: «...это решение, повидимому, явилось не случайно, оно было обдуманно: еще в списке учеников, удостоившихся аттестата зрелости, в графе— „в какой университет и по какому факультету или в какое специальное училище желаете поступить“ — против имени А. П. значится: „В Московский университет по медицинскому факультету“».

Сам Чехов в своей краткой автобиографии, переданной Г. И. Россолимо, пишет, что не помнит, по каким соображениям он выбрал медицину, но в выборе никогда не раскаивался.

В студенческие годы Чехов усердно изучал медицину, аккуратно посещал лекции и практические занятия, успешно сдавал экзамены и в то же время много рабо-

Г. А. Захарьин.

¹ Экстемпорале (экстемпоралия) — письменное классное упражнение в переводе русского текста на латинский или греческий языки, производившееся без подготовки.

тал в юмористических журналах¹, так как на литературный заработок должен был содержать семью; небольшим подспорьем являлась также стипендия в 25 рублей в месяц, которую высылала ему Таганрогская городская управа.

Студента Чехова можно было встретить на сходках и собраниях, но активного участия в общественной жизни студенчества он не принимал, будучи всецело увлечен занятиями и литературной деятельностью.

Чехову повезло: на медицинском факультете ему в ту пору довелось слушать лекции выдающихся корифеев медицины: по терапии — Г. А. Захарьина и А. А. Остроумова, по хирургии — Н. В. Склифосовского, по нервным болезням — А. Я. Кожевникова, по женским болезням — В. Ф. Снегирева, по патологической анатомии — А. Б. Фохта, по гигиене — Ф. Ф. Эрисмана и др.

Еще в студенческие годы А. П. Чехов устраивал себе «производственную практику» и принимал больных в Чикинской больнице, находившейся в двух километрах от Воскресенска. Заведовал этой больницей популярный среди населения и врачебной молодежи земский врач П. А. Архангельский.

По воспоминаниям брата писателя, Михаила Павловича, молодому Антону Павловичу работалось тогда очень весело и жилось интересно: днем он принимал больных, а вечером вся местная интеллигентная молодежь собиралась у Архангельского — человека очень культурного и интересного.

«Павел Арсентьевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие сделали потом врачебными светилами. Там А. П. познакомился с В. Н. Сиротининым², Д. С. Таубер³, М. П. Яковлевым⁴. Часто после многотрудного дня вся эта молодежь собиралась у одинокого Архангельского, и создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались выдающиеся произведения тогдашней беллетри-

¹ Чехов много писал в журналы «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Москва», «Мирской толк», «Свет и тени», «Сверчок», «Осколки» и др.

² Впоследствии профессор Военно-медицинской академии.

³ Впоследствии земский врач.

⁴ Впоследствии главный врач Мариинской больницы, зять Н. В. Склифосовского.

А. А. Остроумов.

стики и научной литературы. Салтыков-Щедрин не сходил с уст — им положительно бредили. Тургеневым зачитывались...»¹.

В ноябре 1884 г. А. П. Чехов получил свидетельство, что по надлежащем испытании он определен университетского совета от 15 сентября утвержден в звании уездного лекаря. Удостоверение подписали ректор университета Н. Боголепов, декан Н. В. Склифосовский, секретарь по студенческим делам Д. Облеухов.

Студенческие годы позади, и Чехов с удовольствием пишет Н. А. Лейкину, что живет с апломбом, так как ощущает в своем кармане лекарский паспорт.

Вскоре на дверях его квартиры появилась дощечка с надписью: «Доктор А. П. Чехов».

Свою практическую врачебную деятельность Антон Павлович начал в знакомой ему Чикинской земской больнице; некоторое время он заведовал Звенигородской больницей, замещая ушедшего в отпуск врача этой больницы С. П. Успенского.

М. П. Чехов вспоминает о разговоре Успенского с Антоном Павловичем:

«Послушай, Антон Павлович, — сказал он, — я поеду в отпуск, а заменить меня некем... Послужи, брат, ты за меня. Моя Пелагея будет тебя кормить. И гитара есть...

Так Антон Павлович поехал в Звенигород...».

Из Звенигорода он писал Н. А. Лейкину, что волею судеб исправляет должность земского врача. Полдня занят приемом больных (30—40 человек в день), остальное время отдыхает. Однако много отдыхать Чехову не приходилось, так как он не только принимал больных в земской больнице, но и исполнял должность уездного врача, выезжал с судебным следователем на вскрытия, исполнял поручения местной администрации, выступал экспертом на суде.

В период своей врачебной деятельности в Воскресенске и Звенигороде, а затем и в Бабкине Антон Павлович близко наблюдал жизнь местного населения — крестьян, уездной интеллигенции, помещиков. В гуще этой жизни художник почерпнул сюжеты для рассказов «Беглец»,

¹ М. П. Чехов, Антон Чехов на каникулах. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 51.

А. Я. Кожевников.

«Хирургия», «Мертвое тело», «Сирена», «Дочь Альбиона», «Налим», «Ведьма» и др.

В 1884 г., в год окончания Чеховым Московского университета, вышел первый сборник его рассказов «Сказки Мельпомены». В 1886 г. Н. А. Лейкин издал сборник рассказов Антона Павловича «Пестрые рассказы».

• •

Еще в годы учебы в университете начало складываться научное мировоззрение А. П. Чехова.

На формирование его естественно-научных взглядов оказало серьезное влияние изучение трудов таких ученых, как Ч. Дарвин, К. А. Тимирязев. В письмах Чехова мы неоднократно находим упоминание о них и об их работах.

«Читаю Дарвина, — писал Чехов В. В. Билибину в 1886 г., — какая роскошь. Я ужасно его люблю».

Так же восторженно отзывается Чехов и о Тимирязеве.

«...Тимирязев, человек, которого... я очень уважаю и люблю...», — писал Антон Павлович жене, Ольге Леонардовне¹.

На медицинском факультете Чехов слушал лекции крупнейшего клинициста прошлого века Г. А. Захарьина, которого он высоко ценил. «Из писателей предпочитаю Толстого, из врачей Захарьина...»². «Захарьина я уподобляю Толстому...»³, — писал Чехов. Если учесть преклонение Чехова перед гением Толстого⁴, то станет ясным, какая высокая оценка Захарьина заключена в этих словах.

Антон Павлович знал взгляды своего учителя по вопросам клиники, гигиены и профилактики. Чем зрелее практический врач, — говорил Захарьин, — тем более он понимает могущество гигиены и относительную слабость

¹ Из письма А. П. Чехова О. Л. Книппер от 2 февраля 1902 г.

² Из автобиографического очерка, переданного А. П. Чеховым писателю Вл. Тихонову.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 15 октября 1889 г.

⁴ «В своей жизни я ни одного человека не уважал так глубоко, можно сказать беззаветно, как Льва Николаевича...» (Из письма И. И. Горбунову в 1898 г.). «...Толстой-то, Толстой! Это по нынешним временам, не человек, а человечище, Юпитер!...» (Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 октября 1891 г.).

Н. В. Склифосовский.

лечения, терапии. Победоносно спорить с недугами масс может лишь гигиена. Понятно поэтому, что гигиенические сведения необходимы, обязательнее для каждого, чем знание болезней и их лечение.

Когда вышли «Клинические лекции» этого выдающегося врача и ученого, Чехов прочел их. Повидимому, впечатление от книги было у Чехова менее ярким по сравнению с тем, которое сохранилось у него от времени, когда он слушал лекции Захарьина на студенческой скамье.

В письме к Суворину А. П. Чехов делится впечатлениями о прочитанной книге: «Есть либретто, — пишет он, — но нет оперы. Нет той музыки, какую я слышал, когда был студентом. Из сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могут быть сносными писателями»¹.

Чехову были знакомы клинические и гигиенические взгляды другого его учителя — А. А. Остроумова. Определяя свой подход к больному и болезни, этот видный терапевт писал, что цель клинического исследования — изучить условия существования организма в среде, условия его приспособления к ней и расстройства; что среда, изменяя родовые свойства организма, дает ему новые свойства, соответствующие особенностям среды.

Под «внешней средой» Остроумов понимал климатические, материально-бытовые условия, образ жизни. Придавая, так же как и Захарьин, огромное значение гигиене в оздоровлении человека и населения, он писал: «Главное... гигиенический образ жизни, и в терапии, и в работе, и во всей обстановке».

В студенческие годы Чехова питомец Московского университета, замечательный русский клиницист и ученый Сергей Петрович Боткин преподавал в Петербурге. Но Антон Павлович знал и высоко ценил его клинические взгляды. Узнав о его болезни, Чехов с тревогой спрашивает Суворина:

«Что с Боткиным? Известие о его болезни мне очень не понравилось. В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе... по таланту»².

В. Ф. Снегирев.

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 27 ноября 1889 г.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 15 октября 1889 г.

Учителями Антона Павловича были также прогрессивные профессора Московского университета, видные ученые-медики Ф. Ф. Эрисман¹ и В. Ф. Снегирев².

Антон Павлович был учеником выдающегося невропатолога А. Я. Кожевникова и, несомненно, знал его взгляды на роль нервной системы в организме человека. Во вступительной части своего руководства, написанного для студентов и врачей, этот врач-материалист указывал, что «нервная система играет такую существенную роль во всех жизненных процессах — будут ли они физиологические или патологические все равно, — что даже трудно представить себе случаи, где участие ее не было бы в большей или меньшей степени замешано»³.

Гордость отечественной физиологии — Иван Михайлович Сеченов — пришел в Московский университет, когда Антон Павлович был уже врачом. Можно, однако, не сомневаться, что Чехов знал и его труд «Рефлексы головного мозга» и другие его работы в области физиологии, прославившие на весь мир русскую науку.

Близкое знакомство с философскими и научными взглядами этих ученых способствовало формированию у Чехова передового, материалистического мировоззрения, поэтому и к вопросам медицины он подходил с прогрессивных позиций.

«...Люди, которые способны осмыслить только частное, — писал Чехов Суворину в 1888 г., — потерпели крах. В медицине то же самое. Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину. Боткин же, Захарьин и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что доросли до понятия „медицина“».

* * *

¹ И. М. Сеченов писал об Эрисмане: «До него гигиена существовала в России лишь номинально, а в его руках она стала деятельным началом против многих недочетов и язв» (И. М. Сеченов, Автобиографические записки, М., 1945, стр. 173—174).

² В письме Е. М. Шавровой от 16 ноября 1891 г. Чехов говорит о В. Ф. Снегиреве: «...насчет того, что врачи по женским болезням в душе селадоны и циники, позвольте мне поспорить... Известный Снегирев говорит о „русской женщине“ не иначе, как с дрожью в голосе».

³ А. Я. Кожевников, Нервные болезни и психиатрия, М., 1953.

Ф. Ф. Эрисман.

Мировоззрение Чехова было материалистичным. Он высоко ценил естественно-научные знания; в них он почерпнул убеждение о существовании тесной связи человека с окружающей его средой; медицинские, естественно-научные знания убедили его и в том, что существует тесная связь между «физическим» и «психическим».

Свои взгляды Чехов изложил в письме к Суворину, написанном после прочтения книги французского писателя Поля Бурже «Ученик». Антон Павлович писал, что ему нравится занимательность сюжета, но он видит крупный недостаток книги в походе ее автора против материализма.

«Подобных походов, — писал Чехов, — я, простите, не понимаю. Они никогда ничем не оканчиваются и вносят в область мысли только ненужную путаницу... Все, что живет на земле, материалистично по необходимости... Существа высшего порядка, мыслящие люди — материалисты... Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи...

...Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины.

Быть может, дурно, что г. Сикст¹, как может показаться, сует свой нос в чужую область, имеет дерзость изучать внутреннего человека, исходя из учения о клеточке? Но чем он виноват, что психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые? Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос, где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела...»².

Чехов доказывает Суворину, что материализм не находится в противоречии с искусством. «Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет. Знания всегда

Чехов студент (1883).

¹ Сикст — один из персонажей романа П. Бурже «Ученик».

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 7 мая 1889 г.

пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — чорта, и воевать им положительно не из-за чего...

Если человек знает учение о кровообращении, то он богат, если же к тому же выучивает историю религии и романс „Я помню чудное мгновенье“, то становится не беднее, а богаче¹.

Вторая половина XIX века особенно богата открытиями в области естественных наук. Чехова восхищает их победное шествие.

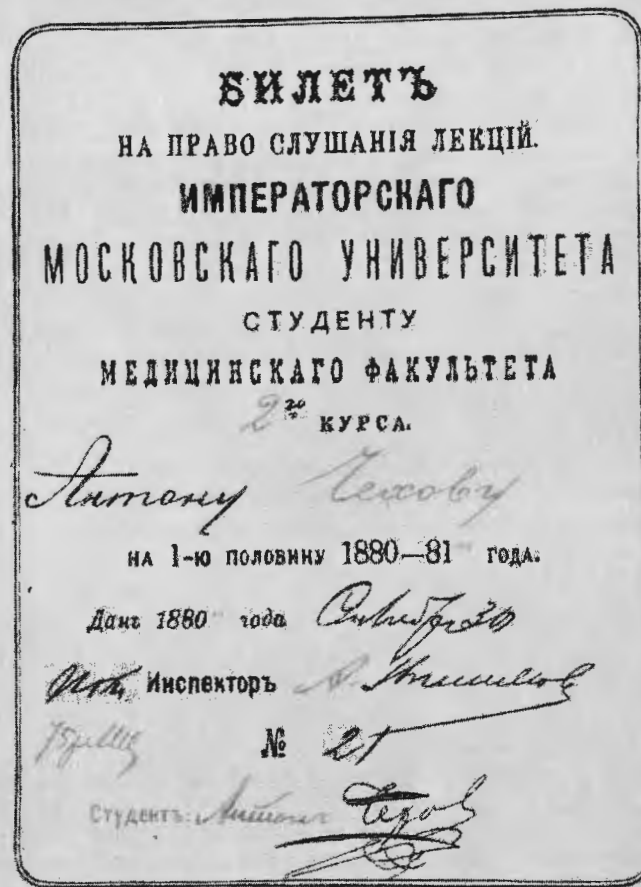
«Естественные науки, — пишет Чехов Суворину в марте 1894 г., — делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандиозностью».

В этом победном шествии естественных наук врач-материалист Чехов видел основу для расцвета наук вообще и медицинских в частности. Писатель-материалист Антон Павлович Чехов и в художественных произведениях, и в письмах выступает против мракобесия, мистицизма и религии.

В том же замечательном письме Суворину от 7 мая 1889 г. Чехов подчеркивает и свои атеистические взгляды. «Если бы Бурже, — пишет он не без иронии, — идучи в поход (против материализма. — И. Г.), одновременно потрудился указать материалистам на бесплотного бога в небе и указать так, чтобы его увидел, тогда бы другое дело, я понял бы его экскурсию...». И далее: «...Попы ссылаются на неверие, разврат и пр... Что же касается разврата, то за утонченных развратников, блудников и пьяниц слынут не Сиксты и Менделеевы, а... аббаты и особы, исправно посещающие посольские церкви». Спустя несколько лет Чехов возвращается к этой теме в письме к редактору журнала «Мир искусства» С. П. Дягилеву, которому доказывает, что науке и прогрессу — не по пути с религией.

«Про образованную часть нашего общества, — пишет он, — можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше... что бы ни говорили и какие бы философско-религиозные общества не собирались... Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное дви-

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 15 мая 1889 г.

Билет А. П. Чехова на право слушания лекций.

История болезни, написанная студентом А. П. Чеховым,

довательских способностях и глубоком научном интересе. Он углубленно изучал древние рукописи, церковное и гражданское зодчество, каноны, славянскую мифологию. Чехова интересовало все, что могло пролить свет на жизнь России древних и средних веков, на ее нравы и обычаи, на применявшиеся тогда лечебные средства. Он внимательно изучал работы археологов, историков, этнографов; отражение вопросов медицинской практики он пытался найти не только в древних лечебниках, но и в фольклоре, в легендах, народных притчах, песнях, пословицах, заговорах.

Пристально вчитываясь в «Историю» Карамзина, Чехов делает интересные выписки, рисующие картину голода, болезней, недугов, мора и язв, погубивших половцев. У Карамзина он находит сведения о древнерусской врачебной практике.

Чехов пытался не упустить ничего, что могло бы помочь его работе. «Медицинский историк, — писал Чехов в ту пору, — поставлен в особые условия: он пользуется даже вставками бессмысленных переписчиков, искажавших летописи»¹.

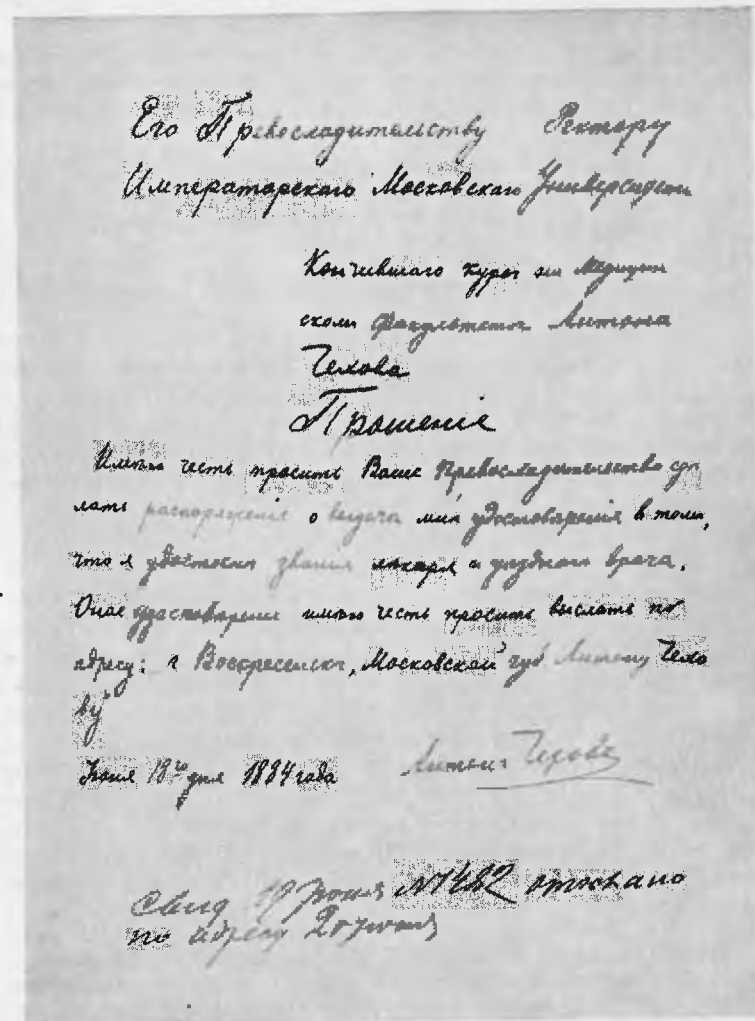
Чехова интересуют условия жизни медиков в допетровской России, их роль при дворе. Он разыскивает сведения о судьбе выписанных в 1600 г. Борисом Годуновым из Германии аптекарей и врачей и тщательно реферирует материалы, относящиеся к «Розыску о смерти Дмитрия Углицкого, составленного из государственных актов и современных записок», а также показания Василисы Волоховой, Андрея Нагова и Ивана Миронова о падучей болезни Дмитрия. При этом Чехов делает от себя следующие приписки:

«Р. S. Судебная медицина отсутствовала».

«Р. Р. S. Самозванец не знал падучей болезни, которая была врождена у царевича».

История Лжедмитрия, видимо, очень занимала Чехова. Спустя несколько лет он пишет Суворину, что изыскания привели его к убеждению, что Лжедмитрий был действительно самозванцем и вот почему. У настоящего царевича Дмитрия была наследственная падучая болезнь, «которая была бы у него и в старости, если

¹ См. работу Н. Ф. Бельчикова «Неизвестный опыт научной работы Чехова» (в сб.: Чехов и его среда, М., 1930).

Прошение А. П. Чехова о выдаче ему диплома на звание лекаря.

бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было. Когда случится писать об этом, то скажите, что сию Америку открыл врач Чехов»¹.

Используя фольклор для своего исследования, Чехов делает интересные выписки из былины «Терентий гость» и приводит описание болезни жены Терентия, Оленушки Клементьевны:

«Ее с вечера недуги берут,
К полуночи ее немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет
Немочь то черная,
Лихорадка красная,
Пухота, подживотная скорбь».

Работу «Врачебное дело в России» Чехов не довел до конца. Однако оставленные им записи из прочитанных архивных материалов и книг, его замечания, свидетельствующие о тщательности, глубине и широте охвата вопроса, — все это показывает, что великий писатель уживался в нем с серьезным и вдумчивым врачом-исследователем².

* *

Высказывания Чехова по различным вопросам медицины и его врачебные советы свидетельствуют о том, что он прошел хорошую школу, в основе которой заложено ясное понимание важности профилактики и гигиены в деле оздоровления человека и широких масс населения.

Суворину, который жаловался на головные боли, Антон Павлович рекомендует обратиться к профессору Захарьину. «Советы его драгоценны, — писал ему Чехов. — Если головы не вылечит, то побочно даст столько хороших советов и указаний, что Вы проживете лишних 20—30 лет. Да и познакомиться с ним интересно.. Тип»³.

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 17 марта 1890 г.

² Материалы по «Врачебному делу в России» изучены и описаны Н. Ф. Бельчиковым в его работе «Неизвестный опыт научной работы Чехова» (в сб. Чехов и его среда, М., 1930).

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 27 ноября 1889 г. Слово «тип» Чехов подчеркивает оригинальность, своеобразие характера Захарьина. В. В. Хижняков решил почему-то, что в этом сказилось ироническое отношение Чехова к Захарьину. Произвольно истолковав слово Чехова, Хижняков делает неверные выводы.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Отъ Совета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Дмитрию Антошу Чехову дано сие свидетельство въ томъ, что онъ, по надлежащемъ испытаніи въ Медицинскомъ сакультетѣ, опредѣленіемъ Университетскаго Совета, 15 сентября сего года состоявшимся, утвержденъ въ званіи Ученнаго Врача. Дано въ Москвѣ. Ноября 15 дня 1884 года.

Ректоръ Университета *А. В. Трубецкой*

Деканъ Медицинскаго Факультета

Николай Климовичев

Секретарь по студенческимъ делам *Дмитрий Жуков*

Ученъ секретарь ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета *В. В. Хижняков*

Врачебное свидетельство, выданное А. П. Чехову по окончании Московского университета.

Какие же это могли быть «советы и указания»? Речь, конечно, шла о гигиеническом, правильном образе жизни.

Редактору «Русских ведомостей» В. М. Соболевскому Чехов советует «ходить пешком, не утомляться, не есть горячего. Ванны и обтирания».

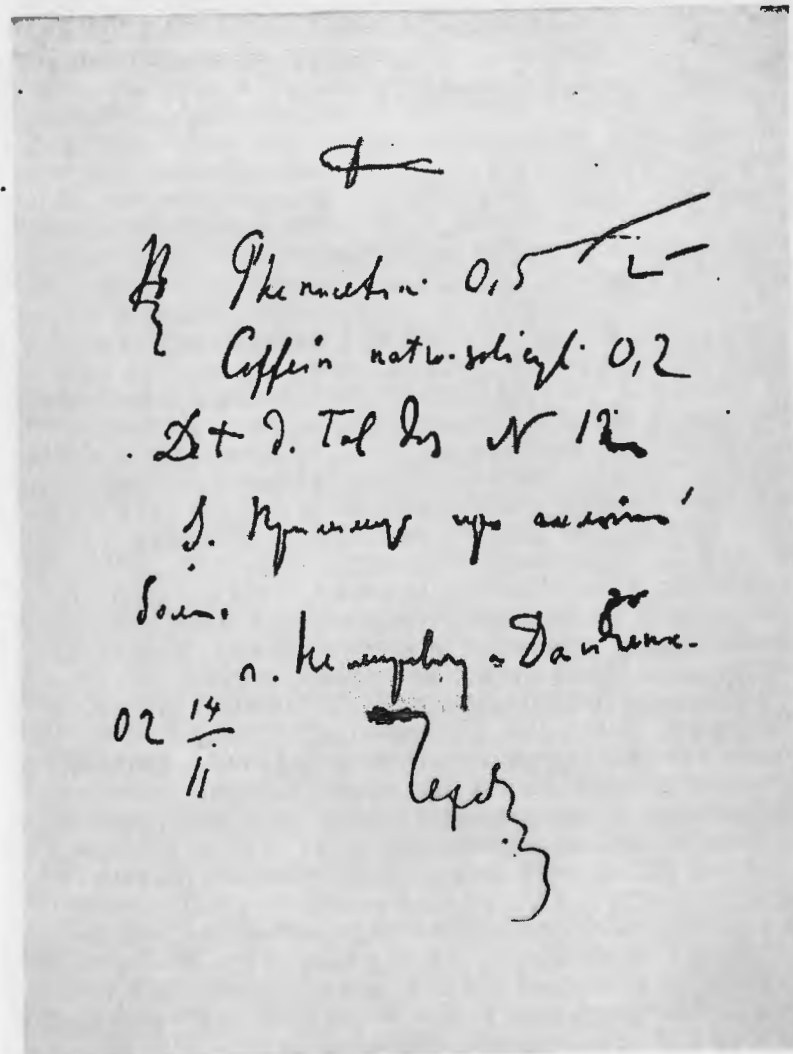
Писателю Д. В. Григоровичу Чехов также советует поменьше курить, не пить квасу и пива, не бывать в курильнях, в сырую погоду одеваться потеплее, не читать вслух и не ходить быстро.

Когда Чехов давал всем им, пожилым людям, эти советы, то учитывал, что самым важным для них являются не столько лекарства, значения которых Чехов, конечно, не отрицал, а гигиенический образ жизни, сохранение душевного покоя, под которым он понимал бережное отношение к нервной системе.

В одном из писем к Суворину Чехов рекомендует ему не увлекаться пиявками, а лучше сохранять хорошее расположение духа. В другом объясняет ему огромное значение для работоспособности хорошего настроения: «Переутомление — штука условная. Вы пишете, что работаете 20 часов в сутки и не утомляетесь. Но ведь можно утомиться и лежа целый день на диване. Вы писали 20 часов, но ведь у Вас в это время было отличное самочувствие. Вас возбуждал успех, задор, чувство таланта...»¹.

Чехов, естественно, не был против пиявок как терапевтического средства. В одном из писем к своей сестре Марии Павловне, написанном в пути на остров Сахалин, Чехов советует ей во время головокружений у отца ставить ему за ухом пиявку. Но Чехов, хорошо знавший состояние здоровья Суворина, подчеркивает в данном случае, что самым важным для него, много работающего человека, является душевный покой, хорошее настроение.

Именно из этих же соображений Чехов пишет Н. А. Лейкину: «Я, хоть убейте, решительно не понимаю, для чего Вы принимаете ландыш и валериану. Вреда эти средства не принесут, но и пользы тоже никакой»². Взамен лекарств Чехов советует Лейкину работать на

Phenacetin 0,5
Coffein nativ. solig. 0,2
St 2. Teil des N 12
J. K...
Sol...
n. K...
02 $\frac{14}{11}$
Ceph...

Рецепт, написанный А. П. Чеховым.

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 29 марта 1894 г.

² Из письма А. П. Чехова Н. А. Лейкину от 17 апреля 1887 г.

воздухе, но не утомляться, забросить лекарства, вовсе не думать или во всяком случае реже вспоминать о своих недугах, не прислушиваться к тому, как работает сердце, и в течение 5—10 лет вовсе не помышлять о болезнях.

Подтверждение того, что Чехов придавал большое значение роли нервной системы, мы находим в высказываниях земского врача П. А. Архангельского, близко знавшего Антона Павловича в первый период его практической врачебной деятельности. «Душевное состояние больного всегда привлекало особенное внимание Антона Павловича, — писал Архангельский. — Наряду с обычными медикаментами, он придавал огромное значение воздействию на психику больного со стороны врача и окружающей среды».

Верный лучшим традициям отечественной медицины, Чехов-врач понимал, что лечить надо не только местное заболевание, а человека в целом. Лучшим средством от катарра глотки, — писал он брату Александру, — является общее лечение. Необходимо также бросить курить, не пить горячего, не дышать воздухом, содержащим пыль, и говорить по возможности мало.

Подход к заболеванию человека с учетом состояния организма в целом и во взаимосвязи его с окружающей средой нашел отражение в письмах Чехова. Так, писательнице Е. М. Шавровой он писал:

«Значение S (сифилиса. — И. Г.) Вами преувеличено. Во-первых, S излечим, во-вторых, если врачи находят у больного какое-нибудь тяжелое заболевание, например, спинную сухотку (tabes) или цирроз печени, и если это заболевание произошло от S, то они ставят сравнительно благоприятное предсказание, так как S поддается лечению. В вырождении, в общей нервности, дряблости и т. п. виноват не один S, а совокупность многих факторов: водка, табак, обжорство интеллектуального класса, отвратительное воспитание, недостаток физического труда, условия городской жизни и пр., и пр.» (разрядка наша. — И. Г.)¹.

Известно, что в вопросах наследственности особенно резко проявились два течения в биологии, а следова-

тельно, и в медицине: материалистическое — прогрессивное — и идеалистическое — реакционное — Вейсмана — Моргана — Менделя.

В воспоминаниях брата писателя, Михаила Павловича, мы находим чрезвычайно ценное свидетельство того, что Чехов в вопросе о наследственности стоял на прогрессивных позициях.

Антон Павлович спорил с зоологом Вагнером¹, который доказывал, что раз имеется налицо вырождение, то, конечно (фатум, рок! — И. Г.), возврата нет, ибо природа не шутит.

А. П. Чехов энергично возражал против этой точки зрения, в которой ясно сказывалась идеалистическая теория наследственности:

«Как бы ни было велико вырождение, его всегда можно победить волей и воспитанием» (разрядка наша. — И. Г.)².

Чехов несколько неопределенно говорит о «воле» и «воспитании». Несомненно, однако, что он имел здесь в виду изменение социальных условий жизни человека и народа.

*
*
*

На протяжении всей своей жизни, вплоть до ялтинского периода, когда Чехов был уже очень тяжело болен, он много времени отдавал практической медицине. Уже будучи знаменитым писателем, Чехов продолжал оставаться и врачом-практиком.

Об этом следует писать не только потому, что эта сторона жизни А. П. Чехова освещена недостаточно, но и потому еще, что некоторые биографы Чехова считают, что, став писателем, он практической медициной занимался между прочим, дилетантски, что работа врача тяготила его.

Антон Павлович как-то писал Суворину: «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница. Когда надоеет одна, ночую у другой»³. Эта фраза Чехова дала повод некоторым биографам Чехова, в первую очередь

¹ Зоолог Вагнер послужил прототипом фон Корену в рассказе «Дуэль».

² М. П. Чехов, Вокруг Чехова, М., 1933, стр. 209.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 сентября 1888 г.

¹ Из письма А. П. Чехова Е. М. Шавровой от 28 февраля 1895 г.

В. М. Фриче¹, говорить о том, что литературу Чехов любил, а медициной тяготился.

Посмотрим, как эта фраза звучит, не будучи выхваченной из текста письма.

«Вы советуете мне, — пишет А. П. Чехов Суворину, — не гоняться за двумя зайцами и не помышлять о занятиях медициной. Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже в буквальном значении этих слов? Были бы гончие, а гнаться можно. . .». И далее «. . . Я чувствую себя бодрее и довольнее собой, когда сознаю, что у меня два дела, а не одно. Медицина — моя законная жена, а литература — любовница. Когда надоест одна, я ночую у другой. Это хотя и беспорядочно, но зато не так скучно, да и к тому же от моего вероломства обе решительно ничего не теряют...» (разрядка наша. — И. Г.)².

Мы видим, таким образом, что Чехов далек был от того, чтобы придавать этой фразе то значение, какое приписал ей В. М. Фриче. Наоборот, Чехов прямо заявляет, что у него хватит сил «гоняться за двумя зайцами», и что ни литература, ни медицина от этого не пострадают.

Повидимому, и сам Фриче понимал, что довод о «жене и любовнице» не очень убедителен, и поэтому он прибегает к ссылке на другое письмо Антона Павловича.

«Душа моя утомлена, — писал Чехов Суворину. — Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры. . . — это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится»³.

В. М. Фриче приводит и третье «доказательство» — реплику врача Хрушова из пьесы «Леший»: «Опротивела мне медицина, точно постылая жена...». В. М. Фриче утверждает, что Хрушов повторяет лишь слова Чехова «о тягости ожидания, что вот-вот ночью его позовут к пациенту»⁴.

¹ В. М. Фриче, А. П. Чехов. Биографический очерк. В кн.: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М., 1930, т. I.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 сентября 1888 г.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 16 августа 1892 г.

⁴ В. М. Фриче, А. П. Чехов. Биографический очерк. В кн.: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М., 1930, т. I, стр. 26.

Фриче считает также, что и к «специалистам медицинской науки Чехов относился без всякого, повидимому, энтузиазма»¹. Отсюда один лишь шаг к признанию того, что и к самой медицинской науке Чехов был безразличен. Фриче и стал на этот путь. Он говорит, что к медицинской науке Антон Павлович питал «величайшее благоговение», но тут же вступает в противоречие с самим собой: анализируя произведение Антона Павловича Чехова «Палата № 6», он пишет: «Заведующий больницей врач Рогин (почему-то всюду Рогин, а не Рагин — И. Г.) — до известной степени сам Чехов, каким он был в восьмидесяти годы. Рогин, как и Чехов, не чувствовал призвания к медицине. Одно время он интересовался детскими и женскими болезнями, но потом все это прискучило ему „своим однообразием и очевидной бесполезностью“. Он, правда, выписывал журнал „Врач“, но всегда, как Чехов, начинал чтение с конца» (разрядка наша. — И. Г.)².

Главная черта героя повести Чехова — Андрея Ефимовича Рагина — равнодушное, терпимое отношение к мерзостям жизни, которые он хорошо видел, но с которыми не считал нужным бороться. Что же общего между Рагиным и Чеховым? Сравнение недопустимое, неправильно ориентирующее читателя; оно искажает образ Чехова, глубоко интересовавшегося достижениями науки, особенно медицинской, всегда чутко относившегося к общественным явлениям современности.

После появления в печати рассказа Чехова «Черный монах» в семье Суворина сочли, что произведение это, повидимому, навеяно болезненным состоянием автора. В ответном письме к Суворину Чехов писал: «Кажется, я психически здоров... Во всяком разе, если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. „Черного монаха“ я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении...»³.

Этими словами Чехов ответил всем тем, кто, подобно Фриче, приписывал писателю мысли и высказывания героев его произведений.

¹ В. М. Фриче, А. П. Чехов, Биографический очерк. В кн.: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М., 1930, т. I, стр. 26.

² Там же, стр. 49.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 2 марта 1892 г.

У Чехова в его переписке с родными и друзьями в иные минуты действительно прорывались нотки и усталости, и раздражения, которые вызывались его врачебной работой. Но если письма Чехова читать внимательно, если иметь в виду ту обстановку, в которой он жил и работал, то перед нами раскроются подлинные мысли и чувства писателя.

Характерно в этом отношении то самое письмо, на которое ссылается Фриче, которое, по его мнению, убедительнее всего доказывает, что Чехова тяготила врачебная работа.

1892 год. Чехов живет в своем новом имении Мелихове. У него много творческих замыслов, он мечтает и о том, чтобы серьезно заняться медициной. «Я купил целый воз лекарств, — пишет он весной Суворину. — Хочу купить микроскоп и займусь медицинской микроскопией. Вообще займусь медициной самым основательным образом...»¹.

В Мелихове стояли погожие летние дни. Все как будто складывалось благоприятно для хорошего отдыха и работы. Но неожиданно на горизонте появились зловеющие тучи: на Серпуховской уезд надвигалась страшная гостья — холера... Конец отдыху и писательству: в Чехове заговорил врач-гражданин.

«В то время, — писал он Суворину, — как Вы в своих письмах приглашали меня то в Вену, то в Аббадию, я уже состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок. У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь. Утром приемка больных, а после утра разъезды. Езжу, читаю лекции... лечу, сержусь и, так как земство не дало мне на организацию пунктов ни копейки, клянчу у богатых людей то того, то другого. Оказался я превосходным нищим; благодаря моему нищенскому красноречию, мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всею обстановкой и барачков пять не превосходных, а скверных...»².

Было от чего сердиться и раздражаться: автор «Степи», «Скучной истории», «Именин» и ряда других произведений, доставивших ему славу и пушкинскую премию,

вынужден вымаливать у богатых людей средства на борьбу с холерой. Сам Чехов рассказывает, что и «нищенство» его не всегда давало нужные результаты. С горечью пишет он о том, как надменно встретила его сестра графа Орлова-Давыдова, имение которого находилось на территории медицинского участка Чехова. Когда Антон Павлович пришел к ней, чтобы поговорить о барачке для ее же рабочих на случай холеры, она встретила его так, будто он пришел наниматься к ней на работу. Не лучший прием оказал Чехову и местный архимандрит, отказавшийся предоставить помещение для больных, которые могли бы оказаться в монастыре.

Чехов работал с напряжением всех своих физических и духовных сил. «Он разъезжал по деревням, принимал больных, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим — и писал друзьям: „Пока я служу в земстве — не считайте меня литератором“. Но, конечно, не писать он не мог. Он возвращался домой измученный, с головной болью, но держал себя так, будто делал пустяки, дома всех смешил — и ночью не мог спать или просыпался от кошмаров»¹.

Так работал Антон Павлович в 1892 году. Не забудем, что зимой того же года он принимал активное участие в помощи голодающим в Нижегородской и Воронежской губерниях, а незадолго до этого побывал на острове Сахалине, где также работал с огромным напряжением и откуда несомненно приехал с зачатками болезни, которая раньше времени свела его в могилу.

В свете этих фактов станут ясными и по-человечески понятными те нотки раздражения, которые встречаются в письме Чехова, измученного и уставшего от ежедневных хлопот. Естественно, что по ночам он боялся и собачьего лая, и стука в ворота, означавших продолжение работы после тяжелого дня.

В письме Чехова к Суворину Фриче увидел доказательство и того, что Чехов равнодушно относился к специалистам медицинской науки. На самом же деле Чехов восторгается интеллигенцией, которая «работает шибко, не щадя ни живота, ни денег». «Я вижу ее, — пишет он, — каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю,

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 2 марта 1892 г.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 16 августа 1892 г.

¹ Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 276.

как Житель¹ и Буренин² выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру... В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и осознать и оценить все, что делается...».

Вот как звучит в действительности письмо к Суворину. Надо быть ослепленным предвзятой идеей, чтобы из этого замечательного документа, проникнутого глубоким уважением к русской интеллигенции и в первую очередь к врачам, к их благородной деятельности, сделать такие выводы, какие сделал В. М. Фриче.

В толковании отношения Чехова к врачебной деятельности он не одинок. Примерно такой же точки зрения придерживается автор книги «Антон Павлович Чехов как врач» В. В. Хижняков. Он, правда, не так прямолинеен и признает, что Антон Павлович во все периоды своей недолгой жизни живо чувствовал свою профессиональную принадлежность к медицинскому миру и как врач-практик имел широкое поле для наблюдения над жизнью во всей ее сложности, многообразии типов и положений. Хижняков приводит немало примеров самоотверженного труда Чехова-врача.

И тем не менее, наперекор фактам, Хижняков пытается принизить значение Чехова-врача, утверждая, что у него не было достаточной клинической подготовки, необходимой для всякого практического врача, что он не был и не мог быть сколько-нибудь крупной величиной как практический врач³.

Доказательства, которые приводит Хижняков, малоубедительны. В студенческие годы Чехов, как мы отмечали, прошел замечательную школу, его учителями были такие выдающиеся представители медицинской науки, как Захарьин, Остроумов, Склифосовский, Кожевников,

¹ Житель — псевдоним А. А. Дьякова, сотрудника реакционной газеты «Новое время».

² В. П. Буренин — критик и фельетонист той же газеты.

³ В. В. Хижняков, Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947, стр. 32.

Снегирев и др. Некоторое время Чехов работал под руководством талантливого земского врача П. А. Архангельского.

Наконец, Чехов имел и свой собственный многолетний врачебный опыт.

В. В. Хижняков приводит подряд несколько выдержек из писем А. П. Чехова, которые создают впечатление, что практическая медицина тяготила Антона Павловича. Среди этих выдержек одна — уже цитированная нами — из письма Суворину, на которую ссылается и Фриче. Приводятся и другие:

«Ах, как мне надоели больные. Соседского помещика трахнул нервный удар, и меня таскают к нему на паршивой бричке-трясучке. Больше всего надоели бабы с младенцами и порошки, которые скучно развешивать»¹.

«Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикант женился и через неделю зовет меня: „Непременно, сию же минуту, пожалуйста...“ Девочка с червями в ухе, поносы, рвота, сифилис... Тьфу!..

Работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелочных хлопот, утомительна для меня. Писать некогда. Литература давно уже заброшена, и я нищ и убог, так как нашел удобным для себя и своей самостоятельности отказаться от вознаграждения, какое получают участковые врачи»².

Хижняков ссылается также и на воспоминания товарища Антона Павловича по Таганрогской гимназии, П. А. Сергеевко, который утверждал, что у Чехова вообще «не было призвания к медицине и что медициной Чехов никогда серьезно не занимался». Ссылается он и на братьев Чехова Михаила и Александра, которые также утверждали, что Чехов не любил лечить. Ссылается он и на писателя И. Н. Потапенко³.

К десятилетию со дня смерти А. П. Чехова Потапенко в своем очерке, помещенном в журнале «Нива», действительно писал, что ему кажется маловероятным, чтобы Антон Павлович любил лечить. Почему? Да потому, видите ли, что Чехов не любил разговаривать на эту тему,

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 28 августа 1891 г.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 1 августа 1892 г.

³ В. В. Хижняков, Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947, стр. 31—32.

а во-вторых, он часто морщился при виде некоторых больных¹.

Аргументы, что и говорить, весьма «убедительные».

Но когда тот же Потапенко в своих воспоминаниях переходит к конкретным фактам, он сообщает весьма интересную деталь.

«Меня, например, он (Чехов. — И. Г.) вылечил от экземы... Специалисты прижигали, вырывали волосы и вообще истязали меня самыми последними средствами, а он взглянул и сказал:

— Пустое. Вот я тебе выпишу салициловую мазь.

И выписал. И от этой мази экзема моя прошла бесследно»².

Имеются свидетельства людей, близко знавших Антона Павловича, которые решительно утверждают, что Чехов любил давать врачебные советы, охотно занимался врачебной деятельностью. В. В. Хижняков решительно выступает против этих утверждений. Так, например, писатель А. И. Куприн указывал:

«...Доктора, приглашавшие его (Чехова. — И. Г.) изредка на консультации, отзывались о нем как о чрезвычайно вдумчивом наблюдателе и находчивом, проницательном диагносте»³.

О Чехове как тонком диагносте пишет в своих воспоминаниях и П. А. Архангельский.

Эти качества Чехова-врача Куприн объясняет тем, что он видел и слышал в человеке — в его лице, голосе, походке — то, что было скрыто от других, что ускользало от глаза среднего человека.

В. В. Хижняков не согласен с А. И. Куприным. Где и когда, — спрашивает он с пристрастием, — участвовал Чехов в консультациях? Ялтинский врач И. Н. Альтшуллер, хорошо знавший Чехова, — пишет Хижняков, — сообщает лишь об одном случае участия Чехова в консультации у постели больного.

Таковы «доводы» В. В. Хижнякова.

Но Альтшуллер знал Чехова в годы жизни его в Ялте, когда тяжело больной писатель почти совсем не

занимался врачебной деятельностью. Однако и в эти годы был, оказывается, случай, когда Чехов принял участие в консилиуме.

Есть и другие доказательства того, что Чехов участвовал в консультациях. Так, в бытность свою в имении Линтваревых Чехов писал Суворину: «Во время консилиумов мы (Чехов имеет в виду себя и врача З. М. Линтвареву. — И. Г.) всегда не соглашаемся — я являюсь благовестником там, где она видит смерть, — и удваиваю дозы, которые она дает»¹.

Антон Павлович внимательно следил за достижениями медицинской науки. Убедительное подтверждение этого имеется в воспоминаниях М. А. Членова, впоследствии видного профессора Московского университета.

«Несмотря на свое писательство, — пишет Членов, — он (Чехов. — И. Г.) очень любил прежде всего свою науку — медицину, которой считал себя, как писатель, многим обязанным и которой не переставал интересоваться до последних дней своей жизни. Он аккуратно выписывал медицинские журналы, следил за всеми открытиями в области медицины, мечтал в Ялте приехать в Москву, „поговорить о Мечникове“, пытался положить начало в Москве научному институту для усовершенствования врачей»².

Г. И. Россолимо также утверждает, что Чехов «любил давать врачебные советы и следил за научной и практической медициной по периодической литературе»³.

В. В. Хижняков «опровергает» также и эти свидетельства, в первую очередь, М. А. Членова. И в данном случае он ссылается на И. Н. Альтшуллера, который писал в своих воспоминаниях, что в Ялте Чехов медицинских книг не читал и что в получавшемся им «Враче» он прочитывал только отдел хроники и мелкие известия⁴.

В статье, помещенной в «Русских ведомостях», И. Н. Альтшуллер, касаясь врачебной деятельности А. П. Чехова, писал: «Трудно сказать, что было бы

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 30 мая 1886 г.

² М. А. Членов, Чехов и культура. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 466.

³ Г. И. Россолимо, Воспоминания о Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 503.

⁴ В. В. Хижняков, Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947, стр. 30.

¹ И. Н. Потапенко, Несколько лет с А. П. Чеховым, Нива, 1914, № 27.

² Там же.

³ А. И. Куприн, Памяти Чехова. В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 425.

при известных обстоятельствах, но фактически по окончании очень непродолжительного участия своего в московских земских медицинских организациях, он, как кажется, медициной больше не занимался»¹ (разрядка наша. — И. Г.).

Таким образом, И. Н. Альтшуллер, на которого так охотно ссылается В. В. Хижняков, далеко не так категоричен в своих выводах о врачебной деятельности Антона Павловича. Он пишет очень осторожно: «трудно сказать, что было бы при известных обстоятельствах...», «...кажется, медициной не занимался и т. д.

Это понятно, Альтшуллер, лечивший Антона Павловича в Ялте, когда Чехов уже не занимался врачебной практикой, ничего другого сказать не мог.

Свидетельством того, что Антон Павлович следил за всем новым, что появлялось в медицинской науке, являются его произведения и письма.

Доктор Рагин («Палата № 6») с восхищением думает о достижениях медицины и в терапии, и в хирургии, и в психиатрии. И по тому, как Чехов раскрывает перед читателем мысли своего героя, видно, что он был хорошо знаком с состоянием этой отрасли человеческих знаний.

Чехов следил за замечательными открытиями русского ученого И. И. Мечникова. Незадолго до своей смерти он писал из Ялты М. А. Членову: «Мне хотелось бы поговорить с Вами о Мечникове. Это большой человек. Оправдываются ли надежды на прививку?»²

Появилось сообщение, что найдено средство против рака, и Чехов делится с Сувориным этой новостью. «Найдено средство от рака, — пишет Антон Павлович. — Вот уже почти год, как с легкой руки русского врача Денисенко пробуют сок чистотела или бородавника, и приходится теперь читать о поразительных результатах. Рак — болезнь тяжкая, невыносимая, смерть от него — страдальческая; можете же судить, как человеку, посвященному в тайны эскулапии, приятно читать об этих результатах...»³.

Жизнь не оправдала надежд Чехова: средство это оказалось неэффективным в борьбе с грозным заболеванием, точно так же, как и многие другие, на кото-

рые первоначально возлагались большие надежды. Мы приводим этот отрывок из письма Антона Павловича для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что он следил за достижениями медицины и искренне радовался каждому ее успеху.

О том, что Чехов дорожил своей врачебной деятельностью, был привязан к ней, можно судить по следующему отрывку из письма, полученному автором от сестры писателя Марии Павловны.

«Полностью подтверждаю Ваше мнение о том, — пишет она, — что Антон Павлович всегда интересовался практической медициной и никогда не отходил от работы врача. Правильно и то, что он дорожил своей принадлежностью к врачебному сословию. Вы можете прочесть и в воспоминаниях многих других современников, как Антон Павлович всегда подчеркивал, что он врач. Вы можете даже сослаться на то, что переезжая из Мелихова в Ялту, Антон Павлович всю свою библиотеку отправил в дар городу Таганрогу, взяв с собой в Ялту только часть наиболее любимых книг, но в то же время взял все медицинские книги, даже и телекции, по которым он когда-то учился в университете...» (разрядка наша. — И. Г.).

Этот факт, сообщенный Марией Павловной, является чрезвычайно ценным и вносит ясность в интересующую нас сторону биографии великого писателя.

Об интересе и привязанности Чехова к практической врачебной деятельности сообщил автору хорошо знавший Чехова писатель Николай Дмитриевич Телешов.

— Помню, — сказал Н. Д., — что в Мелихове Чехов ежедневно принимал больных крестьян, лечил их бесплатно и бесплатно отпускал лекарства.

Вспоминается случай, когда Антон Павлович меня лечил. Ехал я как-то весной из Севастополя в Ялту, куда обычно в это время съезжались писатели, и в дороге основательно простудился. Приехал в Ялту и первым делом к Чехову, однако разговаривать с ним не могу — кашель одолевал.

— Э, да вы, Николай Дмитриевич, основательно простудились! Давайте полечим вас...

Антон Павлович выписал мне какие-то порошки, какие именно — не помню, и я с рецептом, подписанным доктором Чеховым, отправился в местную аптеку.

¹ Русские ведомости, 1914, № 151.

² Из письма А. П. Чехова М. А. Членову от 13 сентября 1903 г.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 января 1897 г.

Принимал я порошки, в точности выполнял предписанный мне режим, и через два дня был совершенно здоров.

Сигнатурку лекарства я до сих пор храню, как дорогую память об изумительном человеке и писателе-враче.

В. В. Хижняков правильно пишет, что не всему следует верить, что написано о Чехове, и что «литература о нем ждет, чтобы ее очистили от неточностей и прямой неправды, чтобы восстановлена была истинная биография писателя»¹.

Что верно, то верно! Однако, поставив перед собой благородную задачу — освободить воспоминания о великом художнике, писателе-враче от налета выдумки и прямой лжи, В. В. Хижняков внес в них и свою долю путаницы.

Утверждая, что Чехов не был и не мог быть хорошим врачом и что медицина его тяготила, биографы Чехова говорят о том, что Антон Павлович в первую очередь был писателем и поэтому всем остальным мог заниматься только между прочим.

Мешала ли медицина Чехову-писателю? И мешала, и помогала. Мешала потому, что отнимала драгоценное время и силы от самого важного и главного в его жизни — писательства. Но медицина и помогала Чехову, ибо, по его собственному признанию, обогащала его научным пониманием психологии человека и интимных сторон его внутреннего мира.

Сам Чехов на этот вопрос отвечал по-разному. Так, в письме к писателю Д. В. Григоровичу он писал: «...Я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне»².

Врачу И. И. Островскому Чехов писал из Лопасни: «Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключить друг друга» (разрядка наша. — И. Г.)³. Вспомним, что Антон Павлович примерно в таком же духе писал и

¹ В. В. Хижняков, Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947, стр. 27.

² Из письма А. П. Чехова Д. В. Григоровичу от 28 марта 1886 г.

³ Из письма А. П. Чехова И. И. Островскому от 11 февраля 1893 г., Солнце России, 1914, январь, № 206 (3).

Ялта, 6 октября 1953.

Многоуважаемый тов. Гейзер!

Полностью подтверждаю Ваше мнение о том, что Антон Павлович всегда интересовался практической медициной и никогда не отходил от работы врача. Правильно и то, что он дорожил своей принадлежностью к врачебному сословию. Вы можете прочесть и в воспоминаниях многих других современников, как Антон Павлович всегда подчеркивал, что он врач. Вы можете даже сослаться на то, что переезжая из Мелихова в Ялту, Антон Павлович почти всю свою библиотеку отправил в дар городу Таганрогу, взяв с собой в Ялту только часть наиболее любимых книг, но в то же время взял все свои медицинские книги, даже и те лекции, по которым он когда-то учился в университете. А если Вы читали его письма, то помните, как он ратовал за сохранение издания журнала «Хирургия» и т.д. и т.п.

Знакомы ли Вы с книжкой Хижнякова «Чехов — как врач». Там тоже затронуты те темы, что берутся и Вами (книжка вышла лет пять тому назад).

Желаю Вам успеха. Будьте здоровы.

Ваша М. Пехов

Письмо М. П. Чеховой (1953).

Суворину, когда речь шла о совмещении медицины и литературной деятельности.

Гёте был гениальным поэтом и естествоиспытателем, Бородин был профессором химии и замечательным композитором. Антон Павлович Чехов был великим русским писателем и образованным врачом.

* * *

И в воспоминаниях современников Чехова, и в его многочисленных письмах мы находим немало свидетельств тому, что на протяжении почти всей жизни он занимался практической медициной, которая была для него ареной общественного служения народу.

Устами Тригорина («Чайка») Чехов говорит о том, что писатель, художник никогда не должен забывать о своем долге перед народом: «...Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о правах человека...».

Жизнь Чехова — яркий образец такого служения народу. Писатель-демократ, он служил народу своим прекрасным талантом, беспощадно разоблачая в своих произведениях зло и несправедливость современного ему общественного строя. Не жалея средств и сил, он строил школы для крестьян, активно участвовал в борьбе с голодом и холерой, был инициатором строительства санаториев для туберкулезных больных, не имеющих средств для лечения.

Но наиболее прямой и непосредственной формой помощи народу, служения ему была для него врачебная работа. Мы уже приводили выдержки из писем Чехова, в которых ясно сказались его любовь к медицине. Вот еще несколько:

«...Когда я буду жить в провинции, о чем я мечтаю теперь день и ночь, то буду медициной заниматься и романы читать...»¹.

«Душа моя изныла от сознания, что я работаю ради денег, и что деньги центр моей деятельности... я не уважаю того, что пишу, я вял и скучен самому себе, и рад,

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 30 ноября 1891 г.

что у меня есть медицина, которою я, как бы то ни было, занимаюсь все-таки не для денег...» (разрядка наша. — И. Г.)¹.

В связи с обострением туберкулезного процесса врачи предписали Чехову полный покой, и он с огорчением пишет: «Доктора определили верхушечный процесс в легких и предписали мне изменить образ жизни...».

Через Машу² объявил, что прекращаю в деревне медицинскую практику. Это будет для меня и облегчением и крупным лишением» (разрядка наша. — И. Г.).

После окончания Московского университета врачебная деятельность Чехова протекала главным образом в земских больницах Московской губернии — в Чикине, Звенигороде, а затем в Бабкине и Мелихове.

Врачебная работа отнимала у Чехова много времени и сил: ему приходилось лечить, выезжать на судебно-медицинские вскрытия. Об одном таком случае своего участия во вскрытии вскоре после окончания университета Чехов красочно рассказал в письме к Н. А. Лейкину.

«... Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от Воскресенска. Ездил на заливчатской тройке купно с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и добрейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте члена суда. Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге... Покойник „не тутошний“, и мужики, на земле которых было найдено тело, христом богом, со слезами молили нас, чтоб мы не вскрывали в их деревне... „Бабы и ребята спать от страха не будут...“. Следователь сначала ломался, боясь туч, потом же, сообразив, что протокол можно написать и начерно, и карандашом, и видя, что мы согласны потрошить под небом, уступил просьбам мужиков. Встревоженная деревушка, понятые, десятский с бляшкой, баба — вдова, голаящая в 200 шагах от места вскрытия, и два мужика в роли кустодиев около трупа. . . Труп в красной рубаше, новых портах, прикрыт простыней. . . На простыне полотно с образком. Требуем у десятского воды... Вода

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 16 июня 1892 г.

² Маша — сестра Антона Павловича Мария Павловна Чехова. Из письма А. С. Суворину от 1 апреля 1897 г.

есть — пруд под боком, но никто не дает ведра: запоганим. Мужик пускается на хитрость: манехинские воруют ведро у трухинских. . . Чужого ведра не жалко. . . Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно, хорошим мужицким коленом. . .»¹.

О своей врачебной работе Чехов рассказывает близким и друзьям то серьезно, то с присущим ему юмором.

«Не так давно,—пишет он Лейкину из Воскресенска,—лечил одной барышне зуб, не вылечил и получил 5 руб.; лечил монаха от дизентерии, вылечил и получил 1 руб.; лечил одну московскую актрису-дачницу от катарра желудка и получил 3 рубля. Таковой успех на новом моем поприще привел меня в такой восторг, что все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты. . .»².

Бабкинский период — счастливое время жизни писателя. Три года подряд (1885—1887) жил он здесь с семьей в летние месяцы. Талант его окреп, он шел быстрыми шагами к славе и широкой известности.

Наряду со славой Чехова-писателя, росла и слава его как врача. М. П. Чехов, вспоминая об этой поре, пишет, что к Антону Павловичу «съезжались и сходились больные со всех окрестных деревень, так что у него образовалось нечто вроде амбулатории с целой аптекой, причем отпускать и развешивать лекарства, а также варить сложные мази лежало на моей обязанности. А. П. как врача не щадили даже по ночам. Один раз за ним приехали из Карцева, за двенадцать верст, в грозовую ночь; он захватил с собой и меня»³. О том, что Чехов в Бабкине принимал больных регулярно, можно судить по письму его, в котором он сообщает, что принимает ежедневно от утра до обеда, т. е. от 10 до 2.

«Знакомых у меня очень много, — пишет Антон Павлович в другом письме, — а стало быть, не мало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти- и трехрублевки»⁴.

¹ Из письма А. П. Чехова Н. А. Лейкину от 27 июня 1884 г.

² Из письма А. П. Чехова Н. А. Лейкину от 23 августа 1884 г.

³ М. П. Чехов, Антон Павлович на каникулах. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.

⁴ Из письма А. П. Чехова М. Е. Чехову от 31 января 1885 г.

К Чехову обращались пациенты с самыми различными заболеваниями, что вообще было характерно для работы земского врача. Здесь и рахитичные дети, и старухи с сыпью. Есть и семидесятилетняя старуха с рожей руки, и Чехов с тревогой пишет Лейкину, что боится, что придется иметь дело с рожистым воспалением клетчатки: будут абсцессы, а оперировать старуху ему страшно.

Так провел Чехов три года в Бабкине. Лето 1888 и 1889 гг. он проводит в имении у Линтваревых недалеко от г. Сум Харьковской губернии. Чехов едет туда отдыхать, однако твердо намерен заниматься и медицинской практикой.

«Везу с собой медикаменты и мечтаю о гнойниках, отеках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати. Летом обыкновенно я полдня принимаю расслабленных, а моя сестрица ассистирует мне. Это работа веселая» (разрядка наша. — И. Г.)¹.

В Луках у Линтваревых, как и в Бабкине, Чехов ежедневно отдавал врачебной работе по несколько часов.

В 1890 г. Чехов едет на остров Сахалин. В этой его поездке и в работе на острове сказались лучшие черты Чехова-писателя, врача, гражданина.

Поселившись в 1892 г. в своем имении в Мелихове, Чехов установил регулярный прием больных.

«Поселившись в Мелихове, — вспоминает В. И. Немирович-Данченко, — Чехов увлекся службой земского врача, совершенно бескорыстно. Работал очень много. Как всегда аккуратный и в переписке, и со своими бумагами, он и здесь вел систематическую статистику. Краткую *сиггисилум morbi* (историю болезни. — И. Г.) он записывал на отдельном листке в четвертушку. Помню номер верхнего листка — 738. . .

. . . И потом, когда Чехов перестал быть земским врачом, он как и еще ранее, любил свою первую специальность. От него очень часто можно было слышать:

„Я же больше врач, чем писатель...”².

Об этом же свидетельствует и Михаил Павлович Чехов:

«С первых же дней, как Антон Павлович переселился

¹ Из письма А. П. Чехова В. Г. Короленко от 2 мая 1888 г.

² В. Н. Немирович-Данченко, Солнце России, июнь 1914.

в Мелихово... к нему стали стекаться больные за 25—30 верст. Приходили, привозили больных на телегах и далеко увозили самого Антона Павловича к больным. С самого раннего утра перед его домом уже стояли бабы и дети и ждали от него медицинской помощи. Он выходил, выслушивал, выстукивал и никого не отпускал без совета и без лекарства; его постоянной „ассистенткой“ была сестра Мария Павловна. Расход на лекарства у него был довольно порядочный, так как приходилось держать целую аптеку. Будили его и по ночам...»¹.

Т. Л. Щепкина-Куперник пишет, что каждое лето, куда бы Чехов ни попадал, «он или лечил крестьян, или работал в местных больницах, безвозмездно, не упуская случая пополнить свое медицинское образование. Когда он попал в Мелихово, слава его как врача разнеслась на всю округу...»².

В письмах к родным и знакомым А. П. Чехов рассказывает о многих интересных случаях из своей врачебной практики. Так, в письме к Суворину он пишет об одной из своих пациенток с присущим ему талантом и глубиной психологической характеристики.

«Везла баба рожь и свалилась с воза вниз головой, — пишет он. — Страшно разбилась: сотрясение мозга, вытяжение шейных позвонков, рвота, сильные боли и пр.

Привезли ее ко мне. Она стонет, охает, просит у бога смерти, а сама глядит на мужика, который ее привез, и бормочет: „Ты Кирилл, брось чечевицу, после отмолишь, а теперь овес молоти“. Я ей говорю, что после об овсе, а теперь, мол, есть поговорить о чем посерьезнее, а она мне: „Овес-то у него очень хороший!“. Хлопотливая, завидующая баба! Таким легко помирать...»³.

Особенно напряженно работал Чехов-врач в 1892—1893 гг., когда на Серпуховской уезд надвигалась холера. В этот момент, по образному выражению известного земского врача и статистика П. И. Куркина, Чехов немедленно стал «под ружье».

Он и врач, принявший в течение 1892 г. до 1000 больных, он и организатор борьбы с эпидемией, и актив-

ный участник уездного санитарного совета, причем, по свидетельству Куркина, не пропустил ни одного его заседания.

После напряженного трудового дня Чехов аккуратно вел тщательные статистические записи и отчеты санитарных обследований. Вспоминая об этой славной поре деятельности Чехова, Куркин пишет:

«Годы 1892—1893 были весьма трудными для земской медицины Московской губернии: на губернию надвигалась эпидемия азиатской холеры... И вот в знаменитом писателе в эту трудную годину народной опасности тотчас же сказался врач-гражданин. Немедленно же, с первого почти момента врачебной мобилизации 1892 года в Московской губернии, А. П. Чехов стал, так сказать, под ружье. Он образовал около с. Мелихово обширный участок в составе 26 селений, принял на себя надзор за здоровьем населения... и нес обязанности мелиховского земского врача в течение двух лет, пока миновала опасность».

Антон Павлович делается обязательным членом уездного санитарного совета и посещает с полной аккуратностью все его заседания... Он включается в состав всех комиссий по вопросам школьной и фабричной санитарии его района, осматривает школьные здания, фабричные помещения... и наравне с состоящими на службе земства врачами и по тем же формам составляет отчеты и докладывает эти отчеты санитарному совету.

За сухими и черствыми данными этих отчетов и докладов, — перед нами, свидетелями этих моментов жизни Антона Павловича, стоит, как живая, гуманная, глубокая, приветливая, полная тепла и ласки, хотя несколько и суровая на вид личность дорогого и незабвенного писателя»¹.

Чехов с исключительной добросовестностью относился ко всем обязанностям участкового врача — санитарным обследованиям, комиссиям и т. д. Обследуя промышленные предприятия своего участка, Чехов убеждается, что владельцы этих предприятий не выполняют даже элементарных санитарных требований. Одна из основных причин этого явления, по мнению Чехова, — это невежество владельцев предприятий.

¹ Общественный врач, 1911, № 4, стр. 66—69.

¹ М. П. Чехов, Биографический очерк. В кн.: Письма А. П. Чехова, М., 1914, т. IV.

² Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове, В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 275.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 18 августа 1891 г.

«Фабрикант, — пишет в своем отчете Чехов, — который живет в такой же нездоровой атмосфере, как и его рабочие, и не желает для себя ничего лучшего, не смотрит на фильтр или дезинфекцию отхожих мест иначе, как на баловство».

Дело, конечно, было не в одном лишь невежестве хозяев. Главное заключалось в их нежелании тратить деньги на проведение санитарных мероприятий, а местные власти, как правило, за взятки покрывали фабрикантов. Со всем этим пришлось непосредственно столкнуться Чехову и об этом рассказывал он в письмах и в своих произведениях. Так, в рассказе «В овраге» Чехов писал: «От кожевенной фабрики вода в речке становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно, с ведома станового и уездного врача, которым владелец платил по десяти рублей в месяц»¹.

Итак, достаточно было небольшой взятки, чтобы местные власти вкупе с уездным врачом смотрели сквозь пальцы на вопиющие санитарные нарушения, которые несли болезни и бедствия местному населению.

Чехов знакомится с санитарным состоянием школы в селе Крюково. Из отчета Антона Павловича видно, что школа произвела на него тяжелое впечатление: его поразили «теснота, низкие потолки, неудобная, унылая железная печь, стоящая среди классной комнаты, плохая старая мебель; вешалки для верхнего платья за неимением другого места устроены в классной комнате; в маленьких сенях спит на лохмотьях сторож и тут же стоит чан с водой для учеников; отхожее место не удовлетворяет даже самым скромным требованиям санитарии и эстетики...»².

Земство высоко оценило труд врача и гражданина Чехова: по предложению санитарного совета Серпухов-

¹ Интересно отметить следующий факт: на заседании санитарного совета Серпуховского уездного земского собрания, которое состоялось 29 октября 1892 г., был заслушан акт осмотра кожевенного завода близ с. Крюкова, на берегу реки Лопасни. Комиссия, членом которой являлся Чехов, вынесла решение: завода не открывать из-за антисанитарных условий на нем. Не этот ли факт использовал Чехов в своем рассказе «В овраге»?

² Отчет А. П. Чехова Серпуховской земской управе за 1892 г., Общественный врач, 1911, № 4, стр. 70—71.

А. Чехов

А. П. Чехов в 1892 г.

ское уездное земское собрание приняло решение «благодарить доктора А. П. Чехова за принятое бескорыстное участие в деле врачебной организации уезда».

Близкое знакомство с земскими врачами дало возможность Чехову — писателю отразить их жизнь в ряде замечательных произведений — в рассказах «Враги», «Неприятность», «Княгиня», в пьесе «Дядя Ваня» и др.

* * *

Население, особенно крестьяне, относилось к врачу Чехову с любовью и уважением. В. В. Хижняков объясняет это мягким и ласковым обращением Антона Павловича со своими пациентами¹.

Спору нет, Чехов был действительно чутким и отзывчивым человеком, который тонко чувствовал состояние и больного, и окружающих его близких. Но дело, конечно, не только в этом. Одним ласковым обращением, как бы важно оно ни было само по себе, симпатий населения не заслужишь. Если вообще людей судят по их делам, то это особенно относится к врачам. Уважение своих пациентов Чехов завоевал потому, что был также знающим, хорошим врачом.

Чехов, действительно, был очень внимателен к больным. По свидетельству Г. И. Россолимо «в нем, враче, человеческое достигало высокой степени, ...способность сострадать, переживать вместе с больным его страдания была присуща не только ему как человеку, но еще более как врачу-человеку...»².

Чехов был убежден в том, что заботливое отношение к больным надо воспитывать еще на студенческой скамье. Некоторое время Антон Павлович мечтал о преподавательской деятельности, в частности, хотел читать лекции по частной патологии и терапии. На этих лекциях он, как говорил сам, мог бы описывать страдания больных так, чтобы заставить слушателей переживать и понимать эти страдания.

Мотивируя свои мысли, Антон Павлович говорил: «Я страдаю, например, катарром кишок и прекрасно по-

¹ В. В. Хижняков, Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947, стр. 32—33.

² Г. И. Россолимо, Воспоминания о Чехове, Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 503.

А. П. Чехов в группе серпуховских земских деятелей. Сверху слева П. И. Куркин, снизу слева А. П. Чехов.

нимаю, что испытывает такой больной, какие душевные муки переживает он, а это редко врачу бывает понятно. Если бы я был преподавателем, то я бы старался возможно глубже вовлекать свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента и думаю, что это студентам могло бы действительно пойти на пользу» (разрядка наша. — И. Г.)¹.

Россолимо эти мысли Чехова очень понравились, и он предложил начать соответствующие переговоры с руководителями медицинского факультета о преподавательской деятельности Чехова. Но для того, чтобы получить право на чтение лекций, надо было иметь звание приват-доцента, а для этого требовалась ученая степень доктора медицины.

— Но у меня нет диссертационной работы, — сказал Чехов. — Разве только предложить для этой цели «Сахалин»?

Россолимо с согласия Чехова повел с деканом медицинского факультета И. Ф. Клейном соответствующие переговоры, но благоприятных результатов они не дали, так как Клейн отнесся к этому предложению отрицательно.

Известно немало других свидетельств высокой чуткости и человечности Чехова-врача. Один из его пациентов, сельский учитель, писал следующее:

«Трудно сказать, кто в Чехове был выше: человек или художник. Его светлая личность представила одно совершеннейшее гармоническое целое, в котором человека нельзя отделить от художника, а художника от человека»².

Интересный эпизод, характеризующий, какие глубокие симпатии питали окрестные крестьяне к Чехову-врачу, рассказывает писатель Н. Д. Телешов.

«Вспоминается, — пишет он, — случайный разговор с одним стариком, крестьянином из Лопасни, где Антон Павлович никому не отказывал в медицинской помощи. Старик был кустарь, шелкомотальщик, человек, видимо, зажиточный. Сидели мы рядом в вагоне Курской дороги,

в третьем классе, на жесткой скамейке и по-соседски разговорились от нечего делать. Узнав, что он из Лопасни, я сказал, что у меня есть там знакомый.

— Кто такой?

— Доктор Чехов.

— А... Антон Павлыч! — весело улыбнулся старик, точно обрадовался чему-то. Но сейчас же нахмурился и сказал: — Чудак человек! — И добавил уже вовсе строго и неодобрительно: — Бестолковый!

— Кто бестолковый?

— Да Антон Павлыч! Ну, скажи, хорошо ли: жену мою, старуху, ездил-ездил лечить — вылечил. Потом я захворал — и меня лечил. Даю ему денег, а он не берет. Говорю: «Антон Павлыч, милый, что же ты это делаешь? Чем же ты жить будешь? Человек ты не глупый, дело свое понимаешь, а денег не берешь, чем тебе жить-то?»... Говорю: «Подумай о себе, куда ты пойдешь, если неровен час, от службы тебе откажут? Со всяким это может случиться. Торговать ты не можешь; ну, скажи, куда денешься, с пустыми-то руками?...». Смеется — и больше ничего. «Если, — говорит, — меня с места прогонят, я тогда возьму и женюсь на купчихе». «Да кто, — говорю, — кто за тебя пойдет-то, если ты без места окажешься?» Опять смеется, точно не про него и разговор.

Старик рассказывал, а сам крутил головой и вздыхал, а то по-хорошему улыбался. Видно было, что он искренно уважает своего «бестолкового» доктора, только не одобряет его поведения.

— Да. Хороший он человек, Антон Павлыч. Только трудно ему будет под старость. Не понимает он, что значит жить без расчета»¹.

Т. Л. Щепкина-Куперник также рассказывает об одном случае, характеризующем популярность Чехова-врача среди крестьян. Встретившаяся болезнью своей бывшей кормилицы, жившей близ станции Лопасня, писательница спросила ее, нет ли поблизости доктора, с которым можно было бы посоветоваться.

«Не бойся, родимая, — ответила ей бывшая кормилица, — дохтур у нас тут такой, что и в Москве не сыщешь

¹ Г. И. Россолимо, Воспоминания о Чехове, стр. 50, Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 504.

² М. Платов, Большое сердце, Комсомольская правда, 1944 № 164.

¹ Н. Д. Телешов, А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М.: 1952, стр. 437—438.

лучше. Верст за шесть живет. Антон Павлович. Уж такой желанный, такой желанный — он и лекарства мне все сам дает»¹.

* * *

В 1890 г. А. П. Чехов совершил большой и трудный подвиг — поехал на остров Сахалин — проклятое народом место царской каторги. Отвечая на вопрос о целях этой поездки, Чехов писал Суворину с обычной своей скромностью:

«Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Я хочу написать хоть 100—200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я много узнаю и выучу...»².

И уже после того, как Чехов вернулся с Сахалина и создал книгу «Остров Сахалин», он писал: «Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености... и я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей арестантский халат»³.

Но дело было, безусловно, не в одном лишь желании «отдать дань учености». По справедливому замечанию проф. В. Ермилова, Чехов своей поездкой на остров Сахалин хотел заплатить долг «не столько медицине, сколько своей совести русского писателя».

Чехову — писателю и врачу — хотелось самому увидеть невыносимо тяжелую жизнь каторжных и поселенцев, увидеть самые страшные стороны русской жизни того времени, чтобы потом полным голосом рассказать о них русскому обществу, чтобы хоть немного облегчить участь обитателей Сахалина. «...В наше время, — писал он, — для больных делается кое-что, для заключенных же ничего...»⁴.

¹ Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 275.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 9 марта 1890 г.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 2 января 1894 г.

⁴ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 9 марта 1890 г.

Чехов готовился к своему путешествию с присущей ему добросовестностью. Он серьезно изучал имевшуюся литературу о Сибири и острове Сахалине. Как рассказывал в письмах Антон Павлович, ему приходилось быть и геологом, и метеорологом, и этнографом, и статистиком. Чехов изучал методы санитарно-статистического и демографического исследования, штудировал гигиенистов — Эрисмана и Доброславина.

На Сахалине Чехов проделал огромную работу. О его поистине героическом труде и исключительной добросовестности можно судить хотя бы по следующему отрывку из письма:

«Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано...»

Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи картонную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного и поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю не мало надежд»¹.

Антон Павлович ознакомился с постановкой медицинской помощи каторжным и поселенцам и убедился, что помощь эта почти отсутствовала. Больные находились в страшных условиях. Не соблюдались даже самые элементарные санитарные и гигиенические правила. В Александровском лазарете, например, Чехов увидел следующую картину. «Кровати деревянные. На одной лежит каторжный из Дуэ, с перерезанным горлом; рана в полвершка длины, сухая, зияющая; слышно, как сипит воздух... Повязки на шее нет; рана предоставлена себе самой. Направо от этого больного, на расстоянии 3—4 аршин от него — китаец с гангреной; налево — каторжный с рожей... В углу другой с рожей... У хирургических больных повязки прязные, морской канат какой-то, подозрительный на вид, точно по нем ходили. Фельдшера и прислуга недисциплинированы, вопросов не понимают...»

Немного погодя, я принимаю амбулаторных больных... Стол, за которым сидит врач, огорожен деревян-

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 сентября 1890 г.

ною решеткою как в банкирской конторе, так что во время приемки больной не подходит близко, и врач большею частью исследует его на расстоянии... Тут же, в приемной, у входной двери стоит надзиратель с револьвером...

...Приводят мальчика с нарывом на шее. Надо разрезать. Я прошу скальпель. Фельдшер и два мужика срываются с места и убегают куда-то, немного погодя возвращаются и подают мне скальпель. Инструмент оказывается тупым, но мне говорят, что это не может быть, так как слесарь недавно точил его... (разрядка наша. — И. Г.). Опять фельдшер и мужики срываются с места и, после двух-трехминутного ожидания, приносят еще один скальпель. Начинаю резать — и этот тоже оказывается тупым. Прошу карболовой кислоты в растворе — мне дают, но не скоро... Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц, ни даже воды в достаточном количестве...»¹.

Таковы же были условия приема и содержания больных во всех остальных лазаретах и «больничных околотках» Сахалина. Чехов пишет о том, что сифилитики и сумасшедшие помещались вместе с другими больными, а сумасшедших обычно даже использовали на работе, потому что физически они были здоровы.

Чехов изучал заболеваемость ссыльного населения по данным больничных «Правдивых книг». Но книги эти велись крайне неряшливо, и добросовестный врач-исследователь обратился к записям, имевшимся в церковных метрических книгах. В этих книгах он встречал такие, например, записи, сделанные священниками по представленным диагнозам врачей и фельдшеров. «Умер от неадаптации к жизни», «умер от душевной болезни тела», «умер от курьезной пневмонии» и др.

Изучая причины заболеваемости и высокой смертности среди гиляков и других народностей острова Сахалина, Чехов пришел к выводу, что они коренились в тяжелых, нездоровых условиях их жизни — в недоедании, грязи, полном отсутствии медицинской помощи.

Именно в этом, по его мнению, заключались причины малого роста, плохого физического развития гиляков, слабой стойкости их перед эпидемиями.

¹ А. П. Чехов, Остров Сахалин, Полное собрание сочинений. М., 1932, т. X, стр. 267.

Чехов был глубоко потрясен положением детей на Сахалине. Ему пришлось видеть тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных.

«Проституцией, — писал Чехов, — начинают заниматься девочки двенадцати лет. Церковь и школа существуют только на бумаге, воспитывают же детей только среда и каторжная обстановка».

Обо всем виденном на острове Чехов с беспощадной правдивостью рассказал в своей книге «Остров Сахалин». Эта книга — замечательное художественно-публицистическое произведение, созданное великим писателем, ученым-исследователем, врачом, гражданином.

«Остров Сахалин»¹ произвел огромное впечатление на русское общество. После его появления царское правительство было вынуждено выделить специальную комиссию для расследования положения дел на острове. Известный судебный деятель А. Ф. Кони, прочитав эту книгу, писал, что она «носит на себе печать чрезвычайной подготовки и беспощадной траты автором времени и сил. В ней, за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных, чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя»².

И было от чего печалиться и негодовать. «Мы сгноили, — писал Чехов, — в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски, мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, размножали преступников...»³.

В этих словах звучит страстный протест писателя-гуманиста против варварской политики самодержавной России.

* * *

Чехов придавал большое значение распространению санитарных знаний среди широких масс населения; он ратовал за повышение квалификации врачей, мечтал об открытии Института усовершенствования врачей, принимал близко к сердцу судьбу медицинской прессы.

Очень много сил и энергии пришлось приложить Антону Павловичу, чтобы спасти от гибели медицинские журналы «Хирургическая летопись» и «Хирургия».

¹ Первоначально печатался в виде статей в либеральном журнале «Русская мысль». Отдельным изданием книга вышла в 1895 г.

² А. Ф. Кони, Воспоминания о Чехове, Л., 1925, стр. 10.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 9 марта 1890 г.

В 1895 г. журнал «Хирургическая летопись», который редактировали известные хирурги Н. В. Склифосовский и П. И. Дьяконов, стоял перед угрозой закрытия. Журнал погибал из-за того, что субсидировавший его ранее профессор Н. В. Склифосовский уехал в Петербург, и некому было покрывать убытки в 1500—2000 рублей в год. Узнав об этом, Чехов развернул кипучую деятельность, стремясь во что бы то ни стало спасти журнал. Он начал переписку с известным издателем Сытиным, который сначала обещал поддержку, но потом заколебался.

Чехов с огорчением и обидой писал ему, что, понадеявшись на его обещание, он сообщил хирургам, что журнал устроен, поздравлял их, все его благодарили, и он принимал благодарности. «...Эти длинные переговоры, — писал он, — признаюсь, поставили меня в глупое и смешное положение, в каком я никогда не был раньше... Забыть того, что я пережил благодаря Вам, я уже не могу»¹.

Журнал был очень нужен русским врачам, особенно земским, так как знакомил их с последними достижениями в области медицины, помогал им в практической работе. Хороший знакомый Чехова, земский врач Витте, писал Антону Павловичу: «Я никак не могу мириться, что такое прекрасное русское издание должно погибнуть голодной смертью, имея все шансы для того, чтобы жить запасом того огромного духовного начала, избытка которого хватило бы еще на два такие же издания».

Чехов обратился тогда к Суворину, надеясь что он поможет в издании журнала. Антон Павлович писал ему:

«А я в ужасе — и вот по какому поводу. В Москве издается „Хирургическая летопись“, великолепный журнал... Редактируют известные хирурги-ученые: Склифосовский и Дьяконов. Число подписчиков с каждым годом растет, но все еще к концу года — убыток. Покрываем сей убыток был все время (до января 1896 года) Склифосовским; но сей последний, будучи переведен в Петербург, практику свою утерял, денег у него не стало лишних, и теперь ни ему и никому на свете неизвестно, кто в 1896 г. покроет долг, в случае ежели он будет, а судя по аналогии с прошлыми годами, надо ожидать 1000—

¹ Из письма А. П. Чехова И. Д. Сытину от 20 октября 1895г.

Вам. Но настоятельно прошу, чтобы вы
оказали мне помощь, то и приду к Петербургу
раньше, чем вы приедете в Петербург, так как
помощь придет к Вам и журнал будет, как будет
в Петербурге, и приду к Вам лично
Дорогой мой, если вы не будете обременены
своими делами и будете в него входить, то
узнаю, что вы не в самом деле совсем забыли
наконец обо всем, что вы обещали и не будете
сидеть, то первая ваша обязанность — помочь
ки доктору, тогда еще доктору много работы: он на меня
от меня зависит. Неблизко и мне, потому что я не могу
уехать, — в Петербурге есть много дел, и я не могу
оставить философов, но доктор — другой дело.
Но теперь „По зрелищу“ будет, что мне сто
ит ли? „По зрелищу“ — по зрелищу, что мне
от меня зависит. Да и сама авторитетная и не вижу
неблизко, что она должна к себе прийти в Петербург.
Тогда как же „Хирургическая летопись“, что она сама, без
Хирургической летописи, которая будет с собой?

Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину по поводу журнала
«Хирургическая летопись».

1 500 р. убытка. Узнав, что журнал погибает... я сгоряча пообещал найти издателя, уверенный вполне, что найду его¹. И я усердно искал, просил, унижался, ездил, обедал чорт знает с кем, но никого не нашел... Если бы не постройка школы, которая возьмет у меня тысячи полторы, то я сам взялся бы издавать журнал за свои деньги — до такой степени мне больно и трудно мириться с явной нелепостью... Чтобы спасти журнал, я готов идти к кому угодно и стоять в чьей угодно передней, и если мне удастся, то я вздохну с облегчением и с чувством удовольствия, ибо спасти хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций...» (разрядка наша. — И. Г.)².

Суворин писал Чехову, что берется покрывать убыток, но одновременно посоветовал обратиться за правительственной субсидией к министру финансов С. Ю. Витте.

В восторге от того, что «Хирургическая летопись» будет спасена, Чехов пишет Суворину: «Что касается „Хирургической летописи“, то она сама, все хирургические инструменты, бандажи, бутылки с карболой кланяются Вам до земли. Радость, конечно, великая. Мы решили так: если мысль о субсидии осуществима, то ехать мне и хлопотать и по получении субсидии возратить Вам полторы тысячи. В ноябре я повидаюсь с Склифосовским и в самом деле, если это возможно, поеду к Витте спасать сих наивнейших людей...»³.

Однако профессор Дьяконов не пожелал получить помощь от Суворина — редактора и издателя реакционной газеты «Новое время», и к концу 1896 г. «Хирургическая летопись» прекратила свое существование.

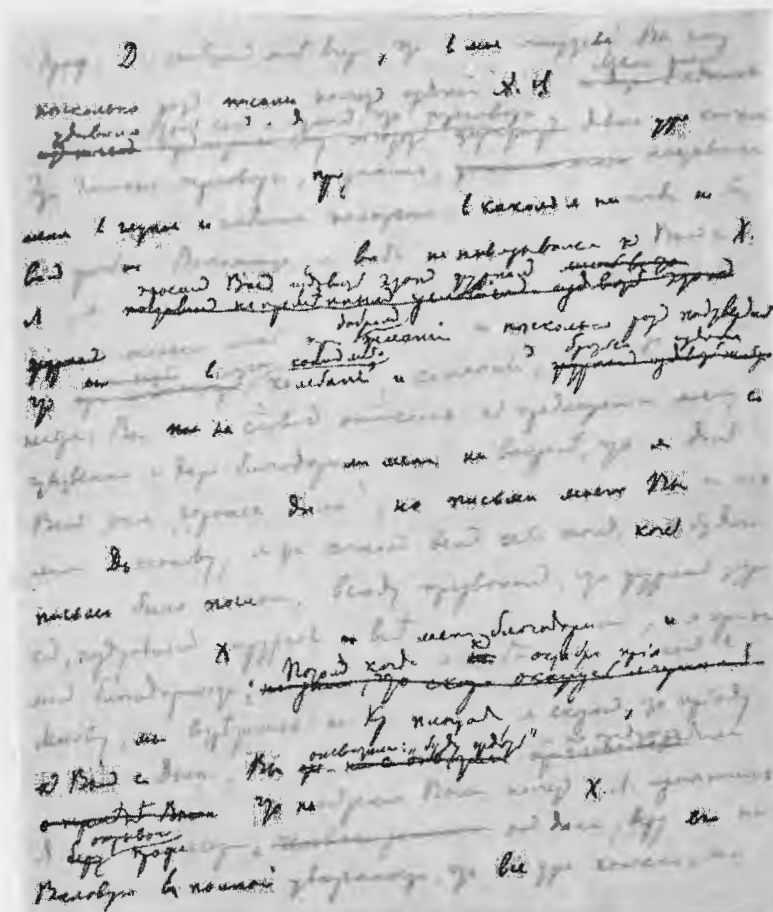
В 1897 г. при активной помощи Чехова в Москве начал выходить в свет журнал «Хирургия». В одном из писем Чехов просит Суворина дать объявление о журнале в его газете. «Журнал, — писал Антон Павлович, — будет очень хороший, и сие объявление не может принести ничего, кроме осязательной, существенной пользы...»⁴.

¹ Это обещание было дано профессору П. И. Дьяконову.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 21 октября 1895 г.

³ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 26 октября 1895 г.

⁴ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 11 января 1897 г.

Из письма А. П. Чехова И. Д. Сытину по поводу журнала «Хирургическая летопись».

Все складывалось как будто хорошо, журнал начал выходить и был очень хорошо встречен русскими врачами-хирургами. Однако снова закапризничал Сытин, который взялся было издавать «Хирургию», и Чехов жалуется Суворину: «Опять дышит на ладан журнал „Хирургия“, и опять я должен спасать его... Посоветуйте: как выхлопотать субсидию в 3—4 тысячи в год. Если бы для этого понадобилось назваться издателем, то я назвался бы и потом неделю простоял бы перед домом Витте босиком, с непокрытой головой и со свечой в руке...»¹.

Но «Хирургии» неожиданно повезло: в благодарность за удачную операцию один из крупных сахарозаводчиков дал две тысячи рублей на журнал, и профессор Дьяконов с радостью пишет Чехову: «Я так отравлял Вам существование своими сетованиями, что считаю себя обязанным поделиться с Вами первым и как можно скорее приятной новостью... Вы так много сочувствовали мне в этом деле и так поддерживали меня в минуты горести, что я не сомневаюсь и в настоящую минуту радости встретить с Вашей стороны искреннее и бодрящее сочувствие...»².

Чехова это письмо очень обрадовало, и он с восторгом сообщает Суворину: «Хирургия» спасена. Деньги найдены... Я очень рад и пою богу хвалу...».

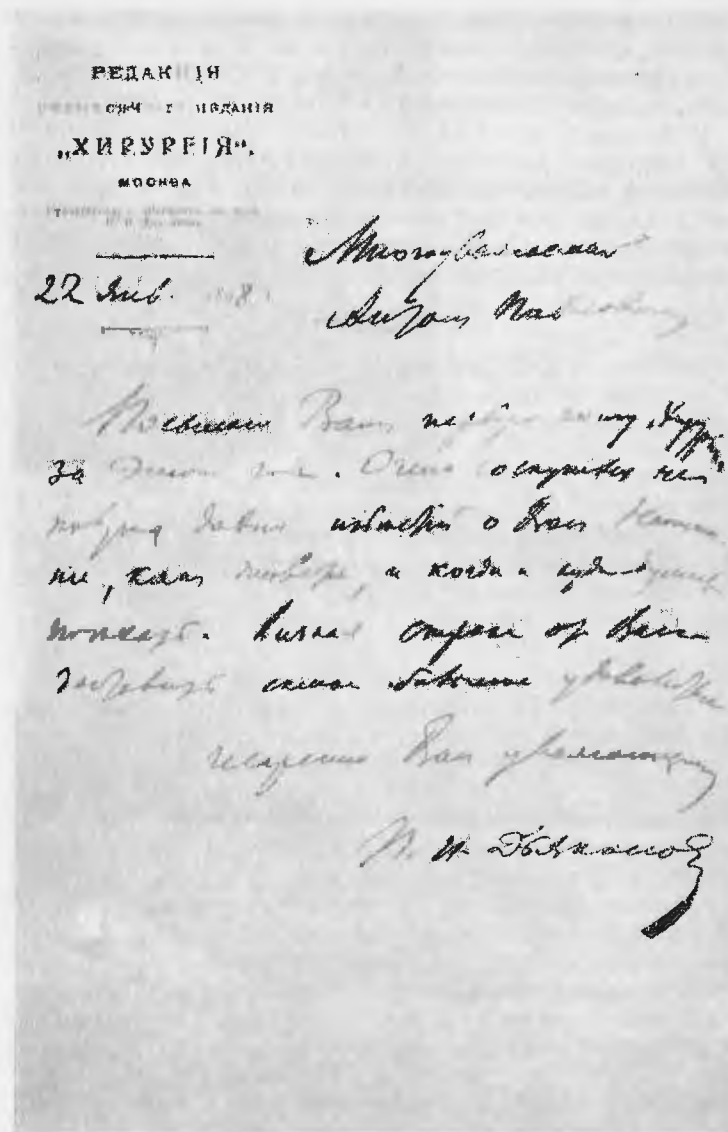
Рассказанная вкратце история журналов «Хирургическая летопись» и «Хирургия» наглядно показывает, как близко принимал к сердцу Антон Павлович судьбы медицинской прессы; как глубоко был заинтересован в том, чтобы достижения медицинской науки широко пропандировались и могли стать известными всем русским врачам. Великий писатель не жалел времени, энергии, душевных сил, средств на хлопоты о журналах.

Признавая важность пропаганды медицинских знаний в народе и среди медицинских работников, Чехов призывал земских врачей активно участвовать не только в специальной медицинской, но и в общей печати.

В марте 1894 г. он писал С. И. Шаховскому: «Мне кажется, пора земским врачам... перестать презирать

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 1 ноября 1898 г.

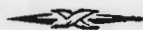
² Цитировано по ст.: Д. А. Мартынова, Страничка из истории русской хирургической журналистики. А. П. Чехов и П. И. Дьяконов, Вестник хирургии, 1941, кн. 6.

Письмо проф. П. И. Дьяконова А. П. Чехову.

общую печать и относиться к ней, как к чему-то постороннему, стоящему далеко вне; пора уже им, и прежде всего санитарным врачам, занять в журналистике ту область, которая принадлежит им по праву компетенции»¹.

В письме к врачу П. И. Куркину Чехов рекомендует ему энергично работать в общих журналах и газетах. Редактору «Северного вестника» А. М. Евреиновой Антон Павлович советует пригласить для участия в журнале профессора Ф. Ф. Эрисмана, «много знающего и литературного человека».

II. ВРАЧИ И МЕДИЦИНА В ТВОРЧЕСТВЕ

А. П. ЧЕХОВА

Для ясного понимания творчества Чехова необходимо хотя бы кратко охарактеризовать эпоху, в которую он жил и работал, и его отношение к окружающей действительности.

Чехов выступил на арену литературной деятельности в восьмидесятых годах прошлого столетия, в эпоху «безвременья» и политической реакции, новое наступление которой началось в 1881 г. после покушения народовольцев на Александра II. Царское правительство все свои силы направило тогда на подавление революционных настроений.

Фактический правитель России при Александре III — отвратительный ханжа и реакционер Победоносцев пытался подавить все живое и свободное. Предметом особого его внимания явилась печать. В одном из писем к царю Победоносцев писал:

«В нынешнее тяжкое время для правительства всего нужнее — успокоить умы, уgomонить мысль общественную, сбитую с толка, возмятенную до безумия, — прекратить невообразимую болтовню, которою заняты все, — чтобы меньше было праздных слов... Вот почему я был всегда того мнения, что невозможно предпринять ничего прочного и существенного для водворения порядка, покуда останется полная разнузданная свобода... для газет и журналов. К сожалению, никто еще не принялся за это дело твердой рукой»¹.

Эта эпоха нашла свое яркое отражение и беспощадную оценку в художественных произведениях Чехова.

¹ Из письма А. П. Чехова от 15 марта 1894 г. С. И. Шаховскому — соседу Чехова по Серпуховскому уезду. Антон Павлович вместе с Шаховским строил школы и работал в санитарном совете.

¹ «Письма Победоносцева к Александру III», т. I. М., 1925, стр. 367. Цитировано по кн.: В. Ерилова. Чехов, М., 1949, стр. 63.

Впоследствии он писал о ней, как о времени, когда люди «боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бедным, учить грамоте» («Человек в футляре»).

В этой душной и затхлой атмосфере многие опускались морально, погрязали в тине мещанской жизни — за картами, сплетнями и пьянством. Часть российской интеллигенции, сломленная реакцией, стала приспособляться к условиям окружающей ее действительности, пошла на службу правительству. Другая часть проповедовала толстовские идеи «опрошения», непротивления злу насилием, крохоборческую либеральную теорию «малых дел».

Однако так было только на поверхности российской действительности. Восьмидесятые годы были в то же время эпохой, когда в России все более широкое распространение получали идеи марксизма, когда русский рабочий класс, готовясь к грядущей борьбе, спланировался организационно и идейно.

Позиция Чехова в эти годы была очень своеобразна. Он беспощадно разоблачал пошлость, несправедливость, жестокость окружающей его жизни, резко выступал против всех и всяких пришибеёвых и хамелеонов, защищая простого русского человека. И в то же время Чехов стоял в стороне от политики.

В письме к Плещееву 4 октября 1888 г. Антон Павлович писал: «Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индеферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только... Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались...».

Основываясь на подобных высказываниях Чехова, на том, что он не принадлежал ни к одному из существовавших тогда идейных направлений, многие дореволюционные литературоведы и публицисты утверждали, что Чехов был писателем безидейным и равнодушным к общественным явлениям современности. Когда вышел сборник рассказов Чехова «Хмурые люди», столп либерального народничества Н. К. Михайловский писал:

«Есть в сборнике и действительно хмурые люди, но есть и такие, которых этот эпитет вовсе не характеризует...

ет... Нет, не в хмурых людях тут дело, а может быть именно в том, что Чехову все едино, — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца... Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает...»¹.

Был ли Антон Павлович Чехов безидейным писателем, человеком, равнодушно относящимся к общественным вопросам современной ему жизни? Все художественное творчество и письма его, вся его прекрасная жизнь убедительно доказывают глубокую неправоту таких взглядов. Чехов никогда не оставался безразличным к тому, что происходило вокруг него, и с горячим сочувствием относился к судьбам русского народа. Он всегда выступал против утверждений о безидейности его творчества.

Когда Плещеев обвинил Чехова в отсутствии «направления» в его рассказе «Именины», Антон Павлович ему энергично возразил:

«Неужели в последнем рассказе не видно „направления?“ Вы как-то говорили мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий... Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление?»².

В своих письмах и в своем творчестве Чехов постоянно выступает против безидейности и беспринципности, ратует за правду искусства, за свободу от лжи.

Он «редко и неохотно говорил о своих литературных неудачах, — вспоминает писатель и врач С. Е. Елпатьевский, — но я не слыхал большей горечи в его голосе и не чувствовалось большей обиды, как в тот раз, когда он рассказывал мне, как в одном толстом журнале о нем было напечатано: «В русской литературе одним беспринципным писателем стало больше...»³ (это был журнал «Русская мысль», кн. 3 за 1890 г.).

Глубоко оскорбленный А. П. Чехов в письме от 10 апреля 1890 г. ответил редактору «Русской мысли»

¹ Н. К. Михайловский, Письма о разных разностях, Русские ведомости, 1890, № 104 от 18 апреля.

² Из письма А. П. Чехова А. Н. Плещееву от 7—8 октября 1888 г.

³ С. Е. Елпатьевский, А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 456.

В. М. Лаврову: «Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был... Обвинение Ваше — клевета». Это письмо убедительно доказывает, как оценивал Чехов беспринципность.

Многие из людей, близко и хорошо знающих А. П. Чехова, решительно возражали против мнения о нем, как о человеке, равнодушном к вопросам общественной жизни. Вот что пишет А. И. Куприн в своих воспоминаниях: «О, как ошибались те, которые в печати и в своем воображении называли его человеком равнодушным к общественным интересам, к мятущейся жизни интеллигенции, к жгучим вопросам современности. Он за всем следил пристально и вдумчиво; он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди...»¹.

А. П. Чехов в ряде своих произведений показал глубокую трагедию русской интеллигенции восьмидесятых годов, не знавшей верных путей в жизни, не имевшей того, что Чехов называет «общей идеей», т. е. ясного, четкого мировоззрения, которое помогло бы определить отношение к окружающей действительности. «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас, — писал Чехов в одном из своих писем в 1888 г.

«Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть», — говорит герой повести «Скучная история».

В «Скучной истории» Чехов создает яркий образ старого ученого-медика Николая Степаныча — типичного представителя некоторой части русской интеллигенции восьмидесятых годов. Оглядываясь на пройденный жизненный путь, он как будто мог считать себя удовлетворенным: у него был любимый труд, широкая известность, множество учеников. Однако в конце жизни Николай Степаныч вдруг понимает, что он беспомощен и неспособен решить ни один жизненный вопрос, не может даже определить свое отношение ко всему, что происходит вокруг него. И все это потому, что у него «того», что называется общей идеей или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего...».

Николай Степаныч не может ничем помочь самому дороговому для него человеку — своей воспитаннице Кате, которая мучительно ищет ответа на вопрос: как жить? что делать?

В замечательной по силе драматизма сцене, когда Катя неожиданно предстала перед Николаем Степанычем в номере Харьковской гостиницы, Чехов раскрывает духовное банкротство двух честных, умных, интеллигентных людей, страдающих одной и той же болезнью — отсутствием общей идеи, неопределенностью мировоззрения.

«Николай Степаныч! — говорит с отчаянием Катя своему опекуну. — Я не могу дольше так жить! Не могу! Ради истинного бога, скажите скорее, сию минуту, что мне делать?... Ведь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?...»

И на этот страшный вопрос старый ученый только и мог ответить:

«По совести, Катя: не знаю... Давай Катя, завтракать».

Да и что другое мог сказать он ей, когда и сам не знал, как, во имя чего живет... «Я побежден...» — вот страшный итог, к которому приходит Николай Степаныч.

С такой предельной глубиной показывает Чехов трагедию мыслящих людей, лишенных общей идеи, которых не мало было в конце восьмидесятых и начале девяностых годов прошлого столетия среди русской интеллигенции.

Чехов к таким людям не принадлежал. У него не было ясного политического мировоззрения, он был далек от марксизма и революции, но у него, честного и прогрессивного русского писателя, была цель в жизни — служить народу своим великолепным мастерством, медицинскими знаниями, всей своей деятельностью на любом доступном поприще.

Искренний и глубокий демократизм определил все особенности творчества Чехова, характер его деятельности. И когда Плещеев и Суворин попытались отождествить мировоззрение Чехова с философией старого ученого из «Скучной истории», Антон Павлович решительно протестовал против этого. «Если Вам подадут кофе, — писал он Суворину по этому поводу, — то не старайтесь искать в нем пива. Если я преподношу Вам профессор-

¹ А. И. Куприн, Памяти Чехова. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 408.

ские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей»¹.

В своем творчестве Чехов резко критикует ряд теорий, в плену которых находились отдельные отряды русской интеллигенции его времени.

Некоторое время он был под влиянием толстовских идей, но сравнительно быстро разглядел реакционную сущность этой философии. Писатель и врач-материалист, Чехов следующим образом мотивирует свой отход от толстовства:

«Я с детства уверовал в прогресс... а к тому, что люди жовыряли мозоли и что их портянки издавали удушливый запах, я относился так же безразлично, как к тому, что барышни по утрам ходят в папилютках... расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса... для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет, и он вышел из меня, сказав: се оставляю дом ваш пуст. Я свободен от постоя»².

Особенно глубоко и убедительно Чехов показывает банкротство толстовских идей в повести «Моя жизнь». Под их влиянием дворянин Полознев уходит от отца — архитектора и «опрощается», становится простым рабочим-маляром. Примеру Полознева следует его жена, Мария Викторовна Должикова — дочь богатого инженера. Оба они считали, что «опрощением», «уходом на землю», отказом от благ городской цивилизации и самоусовершенствованием они выполняют нравственный долг перед самими собой и перед русским народом.

Однако Должикова очень скоро понимает несостоятельность толстовских теорий.

«Мы преуспели в личном совершенстве, — говорит она мужу, — но эти наши успехи имели ли заметное влияние на окружающую жизнь, принесли ли пользу хотя кому-нибудь?»

Нет. Невежество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая детская смертность, — все осталось, как и было и оттого, что ты пахал и сеял, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше.

¹ Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 17 октября 1889 г.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 27 марта 1894 г.

Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя...».

Мария Викторовна говорит и о том, что если образованный человек работает, одевается и ест, как мужик, то тем самым он как бы узаконивает тяжелую жизнь, невыносимый труд крестьянина.

Критическое отношение к идеям толстовства ясно сказалось и в раннем рассказе Чехова «Хорошие люди» (1886).

Героиня этого рассказа женщина-врач увлечена идеями непротivления злу и опрощения, пытается построить свою жизнь по принципам толстовского учения. Ее брат доказывает ей несостоятельность и бессмысленность этого последнего.

— ... Я все думаю: что мы изображали бы из себя, если бы жизнь человеческая была построена на началах непротivления злу? — спрашивает брата Вера Семеновна.

— По всей вероятности, ничего. Непротивление злу дало бы полную свободу преступной воле, а от этого, не говоря уже о цивилизации, на земле не осталось бы камня на камне.

— А что же бы осталось?

— Баши-базуки и дома терпимости...».

Эти слова говорят о том, что Чехов хорошо понял истинную цену и значение толстовства.

Он был далек и от либеральных народников, видя ограниченность их взглядов.

К друзьям Чехова, Линтваревым, приехал видный деятель либерального народничества — В. Воронцов, и Чехов пишет Плещееву:

«К Линтваревым приехал полубог Воронцов — очень вумная политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России...».

... Человечина угнетена сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но по всем видимостям малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях»¹.

В ряде своих произведений (например, «Именины») Чехов разоблачает попытки народников представить

¹ Из двух писем А. П. Чехова А. Н. Плещееву — от июня и июля 1888 г.

себя хранителями наследия шестидесятых годов — наследия революционных демократов.

Чехову чужды были либеральные болтуны с их лицемерными разговорами о «благе народном». В дневнике писателя за 1897 г. имеется следующая запись: «19 февраля. Обед в „Континентале“ в память великой реформы¹. Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п., в то время, когда кругом стола спуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера, — это значит лгать святому духу»².

Чехов резко критикует и либеральную теорию «малых дел» («Дом с мезонином»).

Таким образом, Чехов в своих письмах и художественных произведениях выступает и против толстовского учения, и против народничества, и против либералов.

* * *

На смену реакционной эпохе восьмидесятых годов пришел новый общественный подъем, начавшийся в середине следующего десятилетия. Эти годы были временем бурного промышленного развития. Рабочий класс рос численно, все сильнее спланивался; усиливается рабочее движение, которое оказало большое влияние на русскую интеллигенцию, усилив в ее среде оппозиционные настроения. Интеллигенция все шире вовлекается в общественную борьбу.

В девяностых годах наблюдается усиление общественной активности земской интеллигенции — агрономов, учителей, врачей. Вот что писал о них, главным образом о земских врачах, известный деятель советского здравоохранения Зиновий Петрович Соловьев.

«Казалось, нет просвета в этом густом тумане пережитков прошлого, дворянских узкоклассовых предрассудков и убожества дворянской „творческой“ деятельности... Но история выдвинула новую силу, которая внесла в земское дело и неподдельную любовь, и искреннюю

¹ Имеется в виду «освобождение» крестьян по манифесту 19 февраля 1861 г.

² А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М., 1949, т. 12, стр. 335.

преданность, и горячую убежденность, и упорную энергию, — все то, что служит залогом успеха в общественном служении. Мы говорим о земском враче, о так называемом „третьем элементе“¹.

Конечно, далеко не все земские врачи были проникнуты сознанием такого самоотверженного служения народу; было не мало и погрязших в крохотных «идеалах», были и стяжатели типа Ионыча, для которых работа в земстве была лишь средством получить дополнительный заработок. Большинству земских врачей были присущи черты, свойственные либеральной интеллигенции: в пору подъема революционного движения у них наблюдался известный радикализм и оппозиционность к самодержавному строю, в пору спада революционного движения среди них наблюдался спад общественной активности.

В 1902 г. среди земцев было широко распространено гектографированное письмо, подписанное группой «старых земцев», в котором, хотя и не совсем последовательно, разоблачалась реакционная политика самодержавия.

«Это очень поучительное письмо, — писал Владимир Ильич Ленин. — Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать против самодержавного правительства»².

И далее, касаясь роста радикальных настроений среди земцев, Владимир Ильич писал:

«... Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширялось движение, начатое рабочими, распространявшееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости»³.

¹ З. П. Соловьев, Вопросы здравоохранения. Избранные статьи и речи, М., 1940, стр. 24.

² В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 6, стр. 136—137.

³ То же.

Этот подъем общественной активности интеллигенции захватил и Антона Павловича Чехова: он все тесней сближается с лагерем радикальной интеллигенции. Творчество Чехова этих лет, целый ряд фактов его биографии говорят о росте демократических настроений, об обострении отрицательного отношения к тогдашней действительности.

В конце девяностых годов на весь мир прогремело дело Дрейфуса — военного инженера, невинно осужденного французскими реакционерами.

А. П. Чехов вместе с передовыми людьми всего мира был глубоко возмущен этим процессом. Он горячо приветствует Э. Золя, выступившего в защиту Дрейфуса.

Чехов был возмущен и тем, что А. С. Суворин и его газета «Новое время» защищали французскую реакцию. Честный и глубоко принципиальный человек, Чехов не задумываясь, порвал с «Новым временем», а затем разошелся и с Сувориным, с которым его связывала многолетняя дружба.

Когда в 1902 г. Горький за «политическую неблагонадежность» был лишен звания почетного академика, Чехов вместе с Короленко подал президенту Академии, великому князю Константину заявление о том, что он слагает с себя звание почетного академика. По тому времени это был смелый и решительный поступок, свидетельствующий о росте политической оппозиционности Чехова.

* * *

Приближалась революция 1905 года. Герои Чехова живут предчувствием того, что новая жизнь не за горами, что очистительная буря близка... Об этом говорит доктор Королев («Случай из практики»), об этом говорит Ярцев («Три года»); этими же настроениями проникнут рассказ «Невеста». Земский врач Астров («Дядя Ваня») мечтает о духовно обновленном человеке, у которого все прекрасно — «и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

«Пришло время, — говорит Тузенбах («Три сестры»), — надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слетит с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-

Портрет А. П. Чехова, подаренный А. М. Горькому (1902).

нибудь двадцать пять-тридцать лет будет работать каждый человек. Каждый!»

Герои Чехова чувствуют приближение очистительной бури, живут ожиданием ее, мечтой о прекрасной, счастливой жизни.

Пьеса Чехова «Три сестры» была поставлена в Художественном театре в январе 1901 г. В том же году в журнале «Жизнь» появилась горьковская «Песня о буревестнике». Так два великих художника, каждый по-своему, откликнулись на назревавшие революционные события.

Друзья и близкие Чехова свидетельствуют о том, как изменилось его настроение в предреволюционные годы, как радостно реагировал он на тот подъем, который переживало русское общество в конце девяностых — начале девяностых годов.

«И вот пришло время, не стало прежнего Чехова, — вспоминает об этой поре писатель и врач, друг Антона Павловича С. Е. Елпатьевский. — И случилось это как-то вдруг, неожиданно для меня. Поднимавшаяся бурная русская волна подняла и понесла с собой Чехова. Он, отвертывавшийся от политики, весь ушел в политику, по-другому и не то стал читать в газетах, как и что читал раньше... Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России придвинулась вплотную, что вот-вот сейчас перестроится вся Россия по-новому, светлому, радостному...

И весь он другой стал — оживленный, возбужденный, другие жесты явились у него, новая интонация слышалась в голосе...

Помню, когда я вернулся из Петербурга в период оживления Петербурга перед революцией 1905 года, он в тот же день звонил нетерпеливо по телефону, чтобы я как можно скорее, немедленно, сейчас же приехал к нему, что у него важнейшее, безотлагательное дело ко мне. Оказалось, что это важнейшее, безотлагательное дело заключалось в том, что он волновался, что ему безотлагательно, сейчас же нужно было знать, что делается в Москве и Петербурге, и не в литературных кругах, о которых раньше он исключительно расспрашивал меня, а в политическом мире, в надвигающемся

А. П. Чехов и М. Горький (Ялта, 1901).

революционном движении... И когда мне, не чрезмерно обольщавшемуся всем, что происходило тогда, приходилось вносить некоторый скептицизм, он волновался и нападал на меня с резкими, не сомневающимися, не чеховскими репликами.

— Как вы можете говорить так! — кипятился он. — Разве вы не видите, что все сдвинулось сверху донизу! И общество, и рабочие!»¹.

О таких же настроениях Чехова свидетельствует и Горький, который в письме к В. А. Поссе еще в 1901 г. писал:

«А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: „чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного“. Полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции... Вообще — знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время...»².

«Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам, — писал В. В. Вересаев... — видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова...»³.

О том же свидетельствует и К. С. Станиславский: «По мере того, как сгущалась атмосфера и деда приближалось к революции, он становился все более решительным... В художественной литературе конца прошлого и начала нынешнего века он один из первых почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше...»⁴.

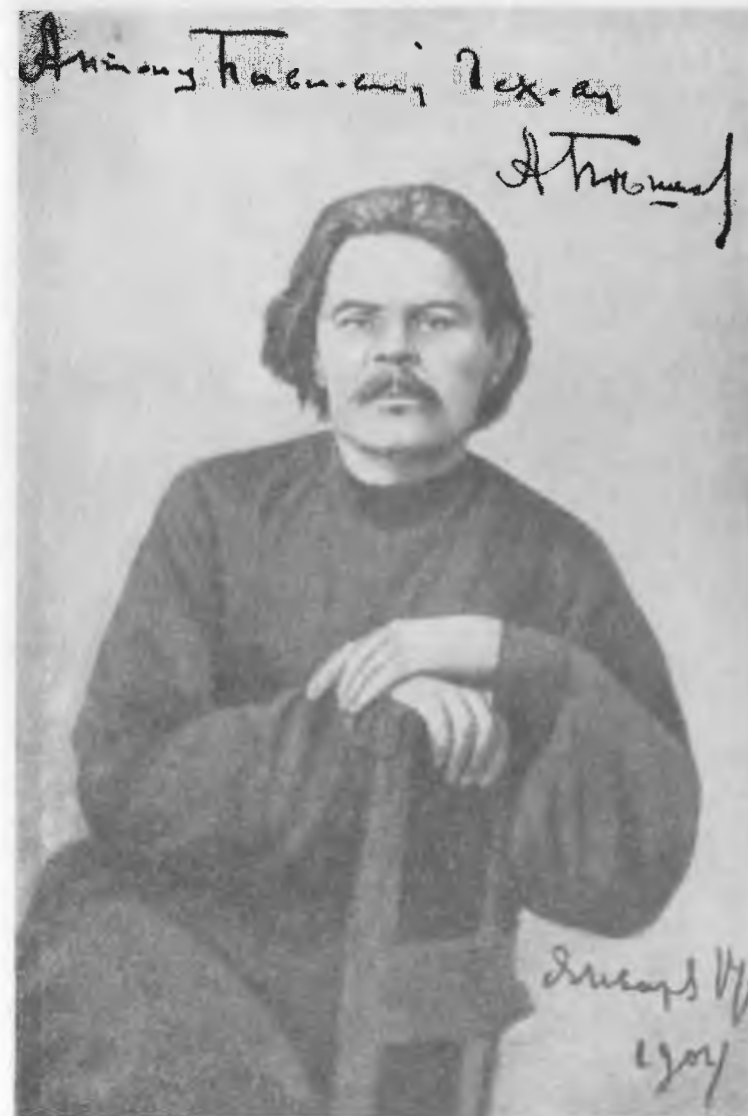
* * *

¹ С. Я. Елпатьевский, А. П. Чехов, В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 459—460.

² М. Горький и А. Чехов, Переписка, статьи, выступления, М., 1937, стр. 156.

³ В. Вересаев, А. П. Чехов, В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 449.

⁴ К. С. Станиславский, А. П. Чехов в Художественном театре. В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 349—350.

Портрет М. Горького, подаренный А. П. Чехову (1904).

Знание медицины оказало большое влияние на творчество Чехова. Во многих его произведениях затрагиваются вопросы медицины, он создает целую галерею образов врачей.

Возникает вопрос: в какой мере Чехов-врач «влиятелен» на Чехова-писателя.

А. М. Горький вспоминает, что Л. Н. Толстой, высоко ценивший писательский талант Чехова¹, сказал как-то:

— Ему мешает медицина, не будь он врачом, — писал бы еще лучше².

Чехов, наоборот, считал, что медицинские, естественно-научные знания помогли ему избежать многих ошибок в писательской деятельности, более верно, глубоко раскрыть мир чувств и переживаний героев его произведений.

«... Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, — писал Антон Павлович Г. И. Россолимо, — они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно, — предпочитал не писать вовсе.

Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем. К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем,

¹ «Чехов — это Пушкин в прозе», — говорил Л. Н. Толстой. (цит. по ст.: Н. Д. Телешов, А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 447).

² А. М. Горький и А. П. Чехов, Переписка, статьи, высказывания, М., 1937, стр. 168.

Стоят: М. П. Чехова и О. Л. Книппер, сидят: Е. Я. Чехов и А. П. Чехов (1902).

которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать»¹.

Так с предельной ясностью рассказал сам писатель, какое огромное значение имело для него и его творчества знание медицины. Не забудем, что писал он это спустя 15 лет после окончания Московского университета, будучи как писатель в зените славы. Следовательно, мысли эти были не случайными, а выношенными, продуманными и проверенными на практике.

Эту же мысль о связи медицины с художественным творчеством мы неоднократно встречаем в письмах Чехова к друзьям. Так, в 1888 г. после появления в печати рассказа «Именины», Антон Павлович писал: «Своими „Именинами“ я угодил дамам. Куда не приду, везде славословят. Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны верно»².

В том же 1888 г., после окончания рассказа «Припадок», посвященного В. Гаршину, Чехов писал А. Н. Плещееву³: «Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки...»⁴.

«Изучайте медицину, дружок, — если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это много помогло и предохранило от ошибок»⁵, — неоднократно советовал Антон Павлович писательнице Т. Л. Щепкиной-Куперник.

* * *

Медицина занимала большое место в жизни А. П. Чехова. Особый интерес для него, великого художника-психолога, всегда представляла психиатрия, которую, по его мнению, должен был бы знать каждый писатель.

Врачи-психиатры могут найти много интересного для себя в произведениях Чехова, и доктор М. П. Никитин, психиатр по специальности, мог с полным правом зая-

А. П. Чехов и Г. И. Россолимо (1903).

¹ Из письма А. П. Чехова Г. И. Россолимо от 11 октября 1899 г.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 15 ноября 1888 г.

³ А. Н. Плещеев — поэт и переводчик.

⁴ Из письма А. П. Чехова А. Н. Плещееву от 13 ноября 1888 г.

⁵ Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 276.

вить, что психиатры должны считать Чехова своим союзником в деле обнажения тех язв, борьба с которыми составляет призвание и задачи психиатров¹.

Чехов-художник с большой глубиной раскрывал психологию своих героев, их чувства и переживания, с такой научной верностью показывал психопатологию человека, что это граничило с точностью клинического описания. Однако изображение больной и здоровой психики никогда не было для Чехова самоцелью: оно давало ему материал для художественного творчества и больших социальных обобщений, для беспощадного разоблачения уродливых явлений современной ему действительности («Припадок», «Палата № 6», «Дуэль», «Черный монах», пьеса «Иванов» и др.).

В рассказе «Палата № 6» Чехов рисует глухой провинциальный городок дореволюционной России. В земской больнице этого городка есть палата № 6, в которой помещены психически больные люди. Обитатели этой палаты отданы в полную власть больничного сторожа Никиты, человека жестокого и грубого, обирающего и безжалостно избивающего больных.

Чехов с большим реалистическим мастерством нарисовал картины жизни городка, больницы, палаты № 6. Они воспринимались читателем как символическое изображение жизни тогдашней России, русского народа, беспощадно угнетаемого самодержавием.

Рассказ «Палата № 6» был восторженно встречен передовыми людьми России того времени. А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает о том, какое большое впечатление произвело это произведение на Владимира Ильича Ленина. «Когда я дочитал вчера этот рассказ, — сказала ей Владимир Ильич, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6»².

Значение рассказа не только в глубоко реалистическом изображении захолустного городка, страшной жизни и полной обреченности обитателей палаты № 6;

¹ М. П. Никитин, Чехов как изобразитель больной души, Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма, СПб, 1905, в. 1.

² А. И. Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Ильиче, Партиздат, 1934, стр. 44—45

особый интерес представляют образы главных героев рассказа — доктора Андрея Ефимыча Рагина и одного из обитателей палаты № 6, больного, страдавшего бредом преследования — Ивана Дмитриевича Громова.

Когда Рагин принял на себя заведование больницей, он всюду увидел мерзость и запустение. В палатах, коридорах и больничном дворе трудно было дышать от смрада. Служащие больницы и их дети спали в палатах вместе с больными. В хирургическом отделении не переводилась рожь; не было медицинского инструментария, не было даже термометра, в ваннах держали картофель; работники больницы грабили больных, а про старого доктора, предшественника Рагина, рассказывали, что он занимался тайной продажей больничного спирта и завел себе из сиделок и больных целый гарем...

Рагин знал обо всех этих ужасах, однако ничего не сделал для того, чтобы исправить положение в больнице.

Чехов очень тонко рисует своеобразную психологию доктора Рагина, раскрывает его внутренний мир во всей сложности и противоречии. Доктор Рагин — добрый и честный человек. Он никому в жизни не сделал зла, он деликатен и даже робок в обращении с людьми. Он много знает и высшее наслаждение находит в чтении серьезных книг и журналов. Он изучает философию, восхищается прогрессом медицинской науки. «Медицина трогает его и возбуждает в нем удивление и даже восторг... Благодаря антисептике делают операции, какие великий Пирогов считал невозможными даже *in spe*¹. Обыкновенные земские врачи решаются произвести резекцию коленного сустава, на сто чревосечений один только смертный случай, а каменная болезнь считается таким пустяком, что о ней даже не пишут...».

Рагин знаком и с последними достижениями в области психиатрии и искренне радуется тому, что помешанным не льют на голову холодную воду, не надевают на них горячих рубашек и содержат их в человеческих условиях.

Но... что же из этого? — рассуждает он в то же время, — сущность-то не изменилась, болезненность и смертность все те же. Значит, всё вздор и суета сует...

¹ *in spe* — в будущем (лат.).

«А боль, а страдание? Марк Аврелий сказал: „Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтобы изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет”».

Пассивно созерцательная философия приводит честного человека Рагина на деле к оправданию своей бездеятельности и беспомощности, к оправданию зла и насилия.

Андрей Ефимыч любил ум и честность, однако, чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватало характера и веры в свое право вмешиваться в течение жизненных процессов.

Это отсутствие характера приводило к попустительству, преступлениям: «Когда обманывают Андрея Ефимыча или льстят ему, или подносят для подписи заведомо подлый счет, то он краснеет, как рак, и чувствует себя виноватым, но счет все-таки подписывает...».

Терпимое отношение Рагина к окружающей его грязи, лжи и несправедливостям объясняется его примиренческой философией, заключающейся в том, что покой и счастье человека не вне его, а в нем самом, в его способности глубоко и свободно мыслить. А это счастье доступно человеку, в каких бы условиях он не находился, даже за тремя решетками. Поэтому совершенно незачем бороться за то, чтобы человек жил в хороших условиях, за то, чтобы освободить его от страданий. Напротив, страдания очищают и возвышают душу человека, поэтому они только полезны ему.

А. П. Чехов показывает в рассказе «Палата № 6», как философия, которая была свойственна многим русским интеллигентам восьмидесятых годов, заключающаяся в стремлении найти смысл жизни только в нравственном, внутреннем самоусовершенствовании, приводила к оправданию самых страшных сторон русской действительности, к оправданию угнетения народа.

Философия доктора Рагина терпит крах. Когда Андрея Ефимыча заподозрили, что он сошел с ума и заперли в палату № 6, когда он был жестоко избит сторожем Никитой, он впервые понял всю несостоятельность своего мировоззрения. Испытав страдание и насилие, он убедился, что нельзя относиться к ним равнодушно. Андрей Ефимыч погибает от первого непосредственного столкновения с ужасной действительностью.

Доктору Рагину Чехов противопоставляет другого героя рассказа — бывшего судебного пристава Ивана Дмитриевича Громова.

Иван Дмитриевич — тоже культурный, много знавший человек. И для него, как и для Андрея Ефимыча, чтение серьезных книг было большим наслаждением. Но если Андрей Ефимыч благодаря своим воззрениям на жизнь оставался равнодушным к страданиям окружающих его людей, то Иван Дмитриевич болезненно, страстно реагировал на всякое зло, насилие, несправедливость...

Однажды Громов увидел на улице двух закованных в кандалы арестантов, которых вели четыре конвойных с ружьями в местную тюрьму. И ему почему-то показалось, что и его в любую минуту могут схватить, заковать в кандалы и отвести в тюрьму.

А. П. Чехов тонко, художественно и в то же время научно точно рисует мучительные душевные переживания Громова, заболевшего бредом преследования — его боязнь всего окружающего, безотчетный ужас, страшную душевную напряженность. Чехов рисует и моменты просветления, когда Иван Дмитриевич рассуждает и говорит попрежнему здраво, разумно, когда всеми его помыслами владеет мысль о несправедливости, зле и насилии.

Гневом и негодованием отвечает Громов на философские рассуждения Рагина. Он разоблачает его теорию непротivления злу, оторванность его взглядов от жизни, их несправедливость. В спорах Рагина и Громова Чехов глубоко раскрывает все различие в психологии этих героев, противоположность их понимания жизни.

В истории Ивана Дмитриевича Громова Чехов изобразил судьбу многих русских интеллигентов того времени — честных, страстно ненавидящих окружающих их произвол людей, которые, не зная правильных путей борьбы с этим произволом, оказывались бессильными, когда становились лицом к лицу со всем строем тогдашней жизни — и погибали.

А. П. Чехов, тонко и точно изображая переживания своих героев, их внутренний мир во всей его сложности и противоречивости, раскрыл вместе с тем многие типические черты характера и взглядов известной части русской интеллигенции — людей, субъективно честных и бла-

городных, но не знавших настоящих путей борьбы за торжество справедливости. Трагической обреченностью звучат слова Рагина, обращенные к Грозову:

«Слабы мы, дорогой... Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом... протрация... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы!».

В гибели Рагина мы видим крах людей, пытавшихся найти выход в философии непротравления злу насилем, в философии общественного безразличия. В высказываниях честного и благородного Грозова много от чеховского возмущения против произвола и насилия. Однако и Грозов оказывается побежденным, так как и он не знает, как нужно бороться, не знает силы, опираясь на которую, можно победить социальное зло и несправедливость.

Так, пользуясь знанием психопатологии человека и владея в совершенстве психологическим анализом людей, утративших душевное равновесие, Чехов в «Палате № 6» рисует картины и образы, заключающие в себе большие социальные обобщения.

Очень близок к идее «Палаты № 6» рассказ А. П. Чехова «Черный монах». Чехов рассказывает здесь о том, как жизнь пошлая, мещанская губит хороших благородных людей. Чехов в этом рассказе развивает мысль и о слабости и бессилии этих людей в борьбе со злом и несправедливостью, потому что они не знали верных путей, которые могли привести к преобразованию жизни на новых началах. Все эти злободневные для того времени проблемы Чехов раскрывает в истории магистра Коврина, заболевшего бредом величия.

При первом чтении рассказа может показаться, что Чехова больше всего интересовала именно история болезни Коврина — так подробно и вдумчиво изображает он ее от самого начала до гибели героя, так полно мотивирует все действия и поступки больного.

Но эта «история болезни» Коврина перерастает в обобщение большой социальной силы.

Магистр философии Коврин, утомленный беспокойной городской жизнью и напряженной умственной рабо-

той, приезжает в имение своего опекуна Песоцкого, чтобы отдохнуть и поправить свое здоровье. Однако и здесь он продолжает вести прежний образ жизни — очень много работает, читает зачастую сутками напролет, мало спит... Он постоянно находится в состоянии очень сильного нервного напряжения, испытывает какой-то небывалый нервный подъем.

Так Чехов постепенно раскрывает перед читателем причины психического заболевания Коврина. Яркая художественная изобразительность сочетается здесь с научной точностью описания начавшейся болезни. Сам Чехов впоследствии писал М. Меншикову, что «Черный монах» — это рассказ медицинский — *historia morbi* (история болезни. — И. Г.). Трактуется в нем мания величия¹.

Гуляя как-то вечером по саду с Таней, дочерью Песоцкого, Коврин рассказал ей легенду о черном монахе — о мираже, который носится во вселенной и скоро должен снова появиться в земной атмосфере. Оставшись один, Коврин мучительно пытается вспомнить, где же это, когда и от кого услышал он легенду о черном монахе... Вдруг, точно смерч, поднялся с земли высокий столб, который понесся мимо него... Коврин увидел черного монаха, который кивнул ему головой и, ласково улыбаясь, исчез.

У Коврина начинаются галлюцинации. Он часто видит теперь черного монаха, который говорит ему, что он, Коврин, исключительная личность, «избранник божий», что вся его деятельность посвящена самому разумному и прекрасному на земле. Черный монах говорит Коврину и о том, что он принадлежит к людям, которые введут человечество в царство вечной правды.

Эти галлюцинации — встречи с черным монахом — делаются все чаще и чаще. Коврин заболевает бредом величия.

И в изображении бреда Коврина также поражает тонкое переплетение глубокой художественности и медицинской точности. Однако описание болезни героя Чехов использует и для того, чтобы острее, ярче раскрыть идею рассказа. Когда Коврин был болен, он верил в

¹ Из письма А. П. Чехова М. Меншикову от 15 января 1894 г.

свою индивидуальную исключительность, им владели мысли о деятельности во имя счастья людей. «Быть избранным, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царства божия, то-есть избавят людей от нескольких тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идею все — молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, — какой высокий, какой счастливый удел!» — думал Коврин.

...Близкие Коврина заметили, что он болен, и начали лечить его. Он должен был прервать свою научную деятельность. Но, избавившись от галлюцинаций, Коврин затосковал — жизнь сытая, спокойная показалась ему скучной и ординарной. Он становится жестоким, грубым к близким, разрушает жизнь своей жены, Тани Песоцкой, забывает о прежних своих мечтах и идеалах. И только в последние мгновения своей жизни, перед смертью, когда его снова посещает черный монах, Коврин становится таким, каким был раньше. Он зовёт красоту и поэзию прежней жизни, с восторгом вспоминает о своей молодости, о любви к человечеству, которая жила в его сердце...

Изображая последние годы жизни Коврина, заполненные узко-личными заботами и мечтами, Чехов рисует внутреннее перерождение и опустошенность Коврина. В судьбе Коврина Чехов показывает трагедию русских интеллигентов, метавшихся в поисках путей к достижению общечеловеческого счастья.

В рассказе «Черный монах», в котором Чехов раскрывает идеи мятущейся русской интеллигенции, ее стремление к лучшей жизни на земле, оказался демократизм Чехова, его благородная мечта о счастливой жизни для русского народа, но в то же время сказалось и то, что Чехов, как и многие представители тогдашней демократической русской интеллигенции, не знал путей борьбы за новую жизнь, построенную на началах справедливости, о которой он так страстно мечтал.

Рассказ Чехова «Черный монах» вызвал самое различное толкование в читательских кругах дореволюционной России. Далеко не всем были понятны глубокие философские идеи, заложенные в этом произведении.

Так, проф. Л. В. Блуменау, анализируя психопатологию героев ряда произведений Чехова, в особенности рас-

сказа «Черный монах», приходит к выводу, что пессимист (!) Чехов ставил такую альтернативу: либо здоровая, нормальная жизнь, но тогда человек осужден быть в стаде обыкновенных людей, либо пребывание в состоянии повышенного настроения, возбуждения и экстаза, которое одно способно дать человеку остроту высокого наслаждения, даже если это граничит, как у магистра Коврина, с очевидной патологией.

Сделав такой «анализ», профессор Блуменау восклицает:

«Не правда ли, удивительное заключение для писателя-врача!»¹.

Что можно ответить на этот риторический вопрос? Прежде всего то, что Чехов, глубоко веривший в прекрасное будущее своего народа и человечества, стремившийся к новой, счастливой жизни, не был пессимистом и у него не было и не могло быть дилеммы, о которой говорит профессор Блуменау. К такому заключению невропатолог Блуменау мог прийти, повидимому, вследствие того, что в рассказе «Черный монах» слишком многое он воспринял буквально, не поняв глубоких идей, заложенных в этом произведении, точно так же, как не понял он особенностей творчества Чехова.

Были отдельные предположения, что «Черный монах» написан под влиянием нервного заболевания писателя. Отношение Чехова к таким предположениям он довольно недвусмысленно выразил в письме к Суворину от 25 января 1904 г.: «„Черного монаха“ писал я без всяких унылых мыслей, по холодному размышлении. Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись, утром рассказал о нем Мише» (брату писателя. — И. Г.).

Рассказы Чехова «Палата № 6» и «Черный монах» со всей убедительностью показывают, что знание медицины, и в первую очередь психиатрии, помогло писателю лучше и глубже изображать психический мир человека.

¹ Л. В. Блуменау, Нравственная эволюция и вырождение. Речь, произнесенная на собрании Петербургской клиники душевных болезней, Вестник психопатологии, криминологии и гипнотизма, СПб, январь 1904.

Отличительной чертой творчества Чехова является углубленное внимание к внутреннему миру человеческой личности. В этом отношении большой интерес представляет ранняя (1887—1889) пьеса А. П. Чехова «Иванов» и прежде всего образ главного героя — Иванова.

В создании этого образа также тесно переплелись мастерство Чехова-художника и знания Чехова-врача, прекрасно разбиравшегося в вопросах психопатологии. Чехов рассказывает историю своего героя — совсем недавно еще энергичного, сильного духом человека, а теперь сломленного жизнью, усталого, бессильного, разочарованного.

«Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал прелесть тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом или тешишь ум мечтами. Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери... А теперь, о боже мой! Утомился, не верю, в бездельи провожу дни и ночи... душа дрожит от страха перед завтрашним днем».

Чехов убедительно показывает, что эти изменения произошли в душе Иванова под влиянием окружающей его обстановки духовного убожества, пошлости и пустоты, которые были типичны для дворянского русского общества.

С огромным мастерством раскрывает Чехов психическое состояние своего героя. Безысходная скука и тоска мучают Иванова. «Прежде я много думал, но никогда не утомлялся, — говорит Иванов Саше, — теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой...».

Иванова тяготит одиночество, он спешит к людям, но нигде не находит душевного покоя. Ему все надоело, все кажется лишним; он стал раздражителен, вспыльчив; его не покидают головные боли, бессонница. Он весь во власти беспричинной тоски. «...Как только прячется солнце, — говорит он жене, Анне Петровне, — душу мою начинает давить тоска... Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь, не знаю! Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь... Просто отчаяние!...».

Совестливый и по-своему честный человек, Иванов склонен к самобичеванию и самоуничтожению, которые являются для него своеобразной попыткой оправдать свою бездеятельность, жестокость к близким, заглушить голос совести. «Нехороший, жалкий и ничтожный я человек, — говорит он о себе. — Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли...».

Раскрывая душевный мир своего героя, его чувства, мысли и переживания, Чехов как бы мотивирует приближающуюся катастрофу.

В письме к Суворину Чехов дал исчерпывающую характеристику своему герою:

«Иванов — дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям...».

Иванов утомлен, не понимает себя..., но жизнь предъявляет к нему свои законные требования, и он — хочешь не хочешь — должен решать вопросы... Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распушенным нервам, теряют под ногами почву...»¹.

И действительно, когда перед Ивановым встал целый ряд серьезнейших проблем — выпутаться из долгов, решить вопрос об отношениях с женой, определить свои отношения к Саше, когда все эти вопросы все больше усложнялись и запутывались, Иванов не нашел для себя другого выхода, кроме самоубийства.

Крах Иванова, если рассматривать его в плане социальном, — это крах бездеятельных и разочарованных, не нашедших себе в жизни правильного пути и настоящего дела русских интеллигентов. В образе Иванова нашли воплощение многие черты характера русской интеллигенции восьмидесятых годов. В период страшной правительственной реакции часть русской интеллигенции отказалась от прежних своих идеалов. Одни приспособились к новым условиям, другие начали проповедовать теорию «малых дел». Философия этой части русской интеллигенции нашла отражение в словах Иванова. «Го-

¹ Из письма А. П. Чехова от 30 декабря 1888 г.

лубчик, — говорит он доктору Львову, — не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое богом данное дело... Это теплее, честнее, здоровее...».

Однако эта «улиточная» философия не спасла Иванова, не указала ему выхода из запутанного, сложного положения.

И в этом произведении понимание психопатологии человека помогло Чехову верно отразить типические явления русской жизни конца восьмидесятых годов прошлого столетия.

* * *

Практикуя в Москве, в Воскресенске, в Бабкине, в Мелихове, работая на острове Сахалине, участвуя в борьбе с холерой в 1892—1893 гг. и во всероссийской переписи населения, Чехов близко сталкивался с жизнью городской бедноты, русских крестьян, видел темные стороны жизни русского народа.

Врач-гигиенист, воспитанный на передовых идеях профилактической медицины, Чехов прекрасно понимал, что причиной массовых заболеваний и высокой смертности является голодная, грязная, тяжелая и темная жизнь подавляющего большинства населения России.

Эти непосредственные наблюдения нашли свое отражение в произведениях Чехова. Писатель-демократ рисует яркие картины жизни русских крестьян и фабричных рабочих, и с каждым годом все острее звучит в его творчестве вопрос — кто же виноват в тяжелом положении русского народа и что нужно сделать, чтобы помочь ему?

С присущим ему огромным талантом Чехов объективно правильно показал в своих произведениях, как в царской России происходила растрата физических и духовных сил трудящихся, расхищение их жизни и здоровья.

Чехов ярко показал в своих произведениях, что капитализм с его неизбежными спутниками — нищетой и голодом — несет трудящимся массам болезни и вырождение.

Во многих произведениях Чехова выразителями идей автора, его отношения к действительности выступают врачи; в целом ряде повестей и рассказов прямо говорится о глубоких социальных причинах высокой смертности, эпидемий, различных заболеваний среди народа. Жизнь фабричных рабочих описана Чеховым в рассказе «Случай из практики».

К заболевшей дочери владелицы крупной подмосковной текстильной фабрики Ляликовой приехал доктор Королев. Осмотрев больную, он пришел к выводу, что она физически здорова, но ее гнетет пустота и бессмысленность существования, что она страдает от тоски и праздности. И Королев откровенно говорит ей, что для излечения есть единственное радикальное средство — решительно порвать с этой праздной жизнью.

В рассказе «Случай из практики» Чехов раскрывает бесчеловечную природу капитализма, отображая с большой реалистической силой положение рабочих не только на фабрике Ляликовой, но по существу и во всей России.

Вот как рисуется она, эта жизнь «фабричных», в представлении доктора Королева. Видя какую-нибудь фабрику, он всякий раз думает, что вот «снаружи все тихо и смирно, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, скучный, нездоровый труд рабочих, дразги, водка, насекомые».

И Королев приходит к выводу: «тысячи полторы-две фабричных рабочих работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец» (разрядка наша. — И. Г.).

Таким образом, Чехов ясно видел, какие формы принимают взаимоотношения труда и капитала в буржуазном обществе и с большой остротой показывал их в своих произведениях.

Чехов понимал, что рабочим не могут помочь «благотворительные спектакли, фабричные доктора и т. п. Поэтому он пишет, что Ко-

ролев «как медик, правильно судивший о хронических страданиях... все улучшения в жизни фабричных не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимых болезней».

В этом рассказе очень ярко выступает глубокий демократизм Чехова. Однако не менее ясно сказалось здесь и то, что он не понимал исторического значения рабочего класса, не понимал его роли в преобразовании общества.

О тяжелых условиях жизни рабочих говорит и студент Трофимов («Вишневый сад»): «... У всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим...».

Сам Трофимов тоже не шел дальше разговоров о «благе народном» и, тем не менее его мысли, точно так же, как и мысли доктора Королева, отражают думы и настроения самого писателя, которому трудно было мириться с безрадостным положением рабочих масс.

Если картины жизни фабричных рабочих встречаются только в рассказе «Случай из практики» и в пьесе «Вишневый сад», то жизнь деревни, жизнь русских крестьян Чехов изображает во многих своих рассказах и повестях.

В рассказе «Жена» Чехов рисует картину деревни, в которой свирепствует эпидемия голодного тифа.

«Прийдешь в избу и что видишь? Все больны, все бредят, кто хохочет, кто на стену лезет; в избах смрад, ни воды подать, ни принести ее некому, а пищей служит лишь один мерзлый картофель. Фельдшерица и Со-боль (наш земский врач) что могут сделать, когда им прежде лекарства надо хлеба, который они не имеют...».

...Всюду голод, поголовная эпидемия голодного сыпного тифа; все буквально больны... Только и знаем, что горим, голодаем...».

Герой пьесы «Дядя Ваня» — доктор Астров рассказывает:

«В великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же...».

Астров говорит о неумолимом процессе роста болезни и смертности, который усиливается «от непосильной борьбы за существование... от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне...».

Яркие картины жизни крестьян А. П. Чехов нарисовал в замечательном рассказе «Дом с мезонином», рассказе глубоко лиричном и в то же время насыщенном большими социальными идеями.

Очень большое место в этом рассказе занимают споры героя рассказа — молодого художника и молодой помещицы — Лидии Волчаниновой. Как помочь народу, чем облегчить его тяжелую жизнь — вот предмет их спора. Лидия — активная земская деятельница. В ее образе Чехов показал типичную сторонницу теории «малых дел» — либеральную интеллигентку. Лидия целиком поглощена устройством медицинских пунктов, аптек и библиотечек для народа. В этих аптечках и библиотечках она видит единственное средство помочь народу, спасти его от всех бед.

Художник резко выступает против этой крохоборческой благотворительной деятельности.

Он говорит о том, что Лидия и ей подобные не рубят цепь, которой опутан русский народ, а лишь прибавляют к ней новые звенья. В споре с Лидией он доказывает ей, что дело вовсе не в медицинских пунктах для народа, в аптечках и библиотечках — ими социальных бедствий не изжить. Лечить нужно не болезни, а причины их, говорит художник. И он обращает внимание Лидии на главное, которое заключается в том, что при существующих условиях «Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх...».

...Голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного» (разрядка наша. — И. Г.).

Жизни русской деревни посвящает А. П. Чехов еще целый ряд своих рассказов — «Мужики», «По делам службы», «Новая дача», «В овраге». Во всех этих произведениях он говорит о темноте, нищете, голоде, угнетении, в которых живут русские крестьяне.

Мы видели, с какой социальной остротой обличает Чехов, писатель и врач, пороки современного ему общества, как смело и глубоко вскрывает он корни массовых болезней и высокой смертности.

Не менее резко выступает Чехов против либеральных деятелей, пытавшихся излечить общественные язвы с помощью дешевой благотворительности, постройки школ, аптек и т. д.

Барская прихлебательница — гувернантка Ляликовых Христина Дмитриевна хвастает перед доктором Королевым («Случай из практики»):

«Рабочие нами очень довольны. На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну, чтения с волшебным фонарем, великолепная чайная и, кажется, чего уж? Они нам очень приверженные».

Так идиллически рисует она взаимоотношения рабочих с хозяевами. Однако Королев твердо знает, что спектакли и волшебные фонари не облегчают жизнь рабочих, что все эти ухищрения хозяев похожи на лечение неизлечимых болезней.

Мы говорили о том, как резко выступает против либеральных взглядов Лидии Волчаниновой художник — герой рассказа «Дом с мезонином». В его словах нашли отражение некоторые мысли Чехова. Однако в жизни Чехов не придерживался тех взглядов на школы и медицинские пункты, которые высказывает художник.

Сам Чехов, как мы уже видели, был активным участником борьбы с голодом, он лечил крестьян, строил школы, участвовал в переписи населения. Даже в тяжелые для писателя годы, когда болезнь вынуждала его жить в Ялте, он принимал деятельное участие в оказании помощи туберкулезным больным; он был членом ялтинского попечительства о приезжих больных, соби-

рал пожертвования на постройку санатория, писал воззвания, в которых призывал помочь больным туберкулезом.

«Одолевают чахоточные бедняки... — писал Чехов Горькому 25 ноября 1899 г. — Видеть их лица, когда они просят, и видеть их жалкие одеяла, когда они умирают, — это тяжело. Мы решили строить санаторию, я сочинил воззвание; сочинил, ибо не нахожу другого средства. Если можно, пропагандируйте мое воззвание через нижегородские и самарские газеты, где у вас есть знакомства и связи».

Возможно, что известная гиперболичность в высказываниях художника («Дом с мезонином») понадобилась писателю для того, чтобы ярче оттенить центральную мысль, что проблему борьбы с массовыми болезнями и высокой смертностью, с темнотой и невежеством полумерами не разрешить.

Таким образом, Чехов вовсе не считал лишним любое, хотя бы незначительное, улучшение в жизни рабочих или крестьян, но был уверен в том, что одними полумерами многого не сделаешь.

Человек большой души, А. П. Чехов делал все, что было в его силах, для народа, но он был против тех, кто пытался филантропией успокоить свою совесть. Интересно в этом смысле фраза, сказанная Чеховым в «Доме с мезонином». Художник говорил, что «лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их» и что «легко быть благодетелем, когда имеешь двести тысяч десятин» (разрядка наша. — И. Г.).

Несомненно и то, что в словах художника, «ежели лечить, то не болезни, а причины их», также нашли отражение взгляды Чехова, воспитанного на передовых идеях русской профилактической медицины, хотя речь в данном случае шла о проблемах более широкого социального плана.

* * *

В произведениях, где Чехов резко и беспощадно критикует строй современной ему жизни, находят свое отражение и положительные идеалы Чехова, его представление о будущей жизни, «о том времени, быть может

уже близком, когда жизнь будет... светлой и радостной». Так думает доктор Королев, о такой жизни мечтает доктор Астров, о ней говорит художник. Какой же должна быть эта будущая жизнь? На вопрос, поставленный Лидией: что же делать, чтобы людям жилось лучше? — художник отвечает: нужно освободить людей от тяжелого физического труда, дать им передышку.

В этом художник видит главное условие облегчения жизни крестьян, оздоровления масс. Но он идет и дальше и говорит: работать должны все. Образованные и обеспеченные люди должны взять на себя часть народного труда. Нужно использовать прогресс техники, чтобы облегчить труд человека.

«Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд... Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода...».

Таким образом, устами художника Чехов говорит нам об обществе с новыми отношениями, в котором нет паразитических классов, в котором все средства прогресса и культуры используются в интересах широчайших трудящихся масс народа, в интересах всего общества.

В этом новом обществе, где человек избавлен от нужды и голода, останется много времени для того, чтобы не привилегированное меньшинство, а широкие народные массы могли заниматься науками и искусством.

Либералка Лидия Волчанинова толкует о библиотечках для народа, имея в виду элементарную грамотность, художник же требует свободы для широкого проявления духовных способностей народа; он требует для него не школы, а университеты.

Эту же мысль высказывает Чехов и в рассказе «В родном углу». Здесь он снова возвращается к мысли, что народу нужны университеты, т. е. возможность полного развития его умственных, духовных возможностей.

Героиня рассказа, Вера, оценивая «благотворительную» деятельность доктора Нешапова, фабричного врача и пайщика предприятия, думала:

«Вот про доктора Нешапова говорят дамы, что он добрый, устроил при заводе школу. Да, школу построил из старого заводского камня, рублей за восемьсот, и „многие лета“ пели ему на освящении школы, а вот небось, пая своего не отдаст, и, небось, в голову ему не приходит, что мужики такие же люди, как он, и что их тоже нужно учить в университетах, а не только в этих жалких заводских школах» (разрядка наша. — И. Г.).

Так вырисовывается положительная программа Чехова, его представление о будущей жизни, которая принесет счастье всему народу.

Но Чехов понимает, что осуществление всех этих преобразований невозможно в современном ему общественном строе. «Народ опутан цепью великой, — говорит художник Лидии, — а вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья...».

Однако ни Чехов, ни его герой не призывают к тому, чтобы рвать цепи, мешающие людям жить свободно: политическая незрелость писателя мешала ему видеть единственный способ, которым можно было добиться счастья народа — революционную борьбу; ограниченность мировоззрения Чехова не позволила ему увидеть ту единственную силу, которая способна была бы возглавить борьбу за свержение ненавистного строя и утверждение нового общественного строя. Чехов не понимал исторической роли промышленного пролетариата. В другие же силы Чехов не верил. Поэтому в своих произведениях он не указывает, каким путем нужно идти к счастливой жизни.

И все же огромной заслугой Чехова является то, что своими произведениями он разоблачал капитализм, показывал всю несправедливость общественного строя, основанного на неравенстве и эксплуатации народа. Он не говорил о свержении капитализма, но звал к нему всем своим творчеством.

* *

А. П. Чехов искренне и горячо любил русскую природу, как русский человек-патриот, как тонкий худож-

ник, как врач. Эта любовь к природе проходит красной нитью через всю жизнь Чехова и через его творчество.

По воспоминаниям его сестры Марии Павловны, Чехов с любовью ухаживал за садом, за цветами. В Мелихове он своими руками посадил много деревьев. В ялтинский период он целые дни проводил на участке своего будущего сада, занимаясь его устройством. Как и в Мелихове, он сажал цветы, свои любимые розы, кустарники, молодые деревца.

Таким образом, у Чехова любовь к природе была не простым эстетическим любованием, а одним из способов украсить жизнь, улучшить ее. Это хорошо видно из воспоминаний А. И. Куприна.

«Послушайте, — говорил Чехов Куприну, — при мне же здесь посажено каждое дерево и, конечно, мне это дорого. Но и не это важно. Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место. Знаете ли? — прибавил он вдруг с серьезным лицом, тоном глубокой веры, — знаете ли, через триста-четырееста лет вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна.

Эта мысль о красоте грядущей жизни, так ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всех его поздних произведениях, была и в жизни одной из самых его задушевных, наиболее лелеемых мыслей¹.

Свою любовь к природе, деревьям, цветам, ко всему красивому и прекрасному в мире Чехов опoэтизировал и в своих произведениях поднял на высоту больших художественных и социальных обобщений.

Особенно полно и ярко чеховское отношение к природе, к ее красоте и благам, которые приносит она человеку, выражено в высказываниях доктора Астрова («Дядя Ваня»). Астров вдохновенно говорит о красоте лесов, об их могучем и плодотворном влиянии на климат и здоровье людей.

«Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я...

¹ А. И. Куприн, Памяти Чехова. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 401.

Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью...».

В этой романтической взволнованности Астрова-Чехова — высокий гуманизм и поэтика великого художника; здесь выражены также взгляды и образованного врача, хорошо понимающего влияние здоровых условий внешней среды на человека.

Но Чехов-реалист видел, однако, что в современном ему обществе господствующие классы меньше всего думали и заботились о красивой и здоровой жизни для народных масс. «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее...».

Астров говорит об этом с болью в сердце, ибо, по его мнению, леса украшают землю, учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат, а мягкий климат делает человека мягче, нежнее. И Чехов, и его герои мечтают о прекрасной жизни на земле, где энергия людей и человеческий гений будут направлены на оздоровление климата, оздоровление народа.

Доживи А. П. Чехов до наших дней, он счастлив был бы увидеть, как его мечта нашла свое чудесное воплощение в творческом труде миллионов людей нашей Родины, в грандиозном строительстве, которое подчинено одной благородной цели — сделать жизнь человека здоровой, долголетней и прекрасной.

* * *

Каково было отношение Чехова к врачам?

Если поверить Фриче, то следует считать, что относился он к ним без особого энтузиазма, а Г. П. Задера прямо считает, что ко всем врачам Антон Павлович относился отрицательно, и объясняет он это пессимизмом (!) писателя.

Стоит, однако, вспомнить, с какой теплотой описывает Антон Павлович в своих художественных произведе-

ниях многих врачей, особенно земских, с какой задушевностью рассказывает он о их самоотверженной деятельности на эпидемиях и на голоде, чтобы увидеть всю вздорность этих взглядов и никчемность подобных рассуждений.

Великий писатель-реалист видел во врачах, как и в каждом человеке, и дурное, и хорошее. Чехов хорошо знал и ценил мучительные переживания врачей, связанные с тревогой за жизнь больного, за исход болезни, порой сознание своей беспомощности перед фактом неумолимо надвигающейся катастрофы.

«У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого, — пишет Чехов Суворину. — Среди врачей, правда, нередкость невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров, вообще людей, но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей, и за сие, говоря по совести, многое проститься должно...»¹.

В своих художественных произведениях Чехов создал целую галерею образов врачей, различных по своим воззрениям, отношению к своему труду, своей профессии.

В образах врачей Чехов отразил типичные черты представителей различных слоев русской интеллигенции — ее трудовой, демократической части, самоотверженно служившей народу и обществу, и тех, кто приспособился к самодержавному режиму, кто видел в своей профессии лишь средство наживы, средство обогащения.

В своих повестях, рассказах, пьесах Чехов создает положительные и отрицательные образы интеллигентов — русских врачей. И чем ближе к девятистам годам, тем ярче, полнокровнее становятся положительные образы, созданные Чеховым, тем беспощаднее разоблачение отрицательных черт русской интеллигенции. Это связано с изменением самой действительности и с той эволюцией мировоззрения Чехова, о которой мы говорили выше.

Вот врач и полицейский надзиратель идут в санитарный обход в заштатном городке (рассказ «Надлежащие меры»). Сначала они даже делают «строгие» замечания купцам, но очень скоро «угощения» лавочников доводят их до того, что они уже не в состоянии ничего соображать.

¹ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 18 августа 1890 г.

Герой рассказа «Двадцать девятое июня» — уездный врач, безнравственный, некультурный человек и рутинер, говорит: «Я даже не читаю никогда газет. Считаю болванами тех, кто выписывает их, тратит деньги...».

Образом доктора Топоркова («Цветы запоздалые») Чехов показал, как в современном ему обществе калечились хорошие люди, уродовались человеческие чувства.

В детстве Топорков получал подзатыльники за плохо вычищенные ножи, вилки и самовары у князей Приклонских, у которых отец его был крепостным. Но ему удалось получить образование, стать врачом, Приклонские же разорились. Молодая княжна Приклонская, встретившись с Топорковым, искренне полюбила его. Он тоже не прочь жениться на княжне, но... требует шестьдесят тысяч приданого.

Княжна, больная туберкулезом, несколько раз приходит на прием к Топоркову. Однажды в полуобмороке она признается ему в любви, и в Топоркове вдруг вспыхивает хорошее человеческое чувство: тронутый любовью княжны, он ощутил всю грязь и бессмысленность своей жизни, отданной только наживе, деньгам, он понял всю пошлость и мерзость окружающей обстановки.

Топорков пытается спасти жизнь княжны, но она умирает, и он снова возвращается к прежней жизни — лечит барынь и копит пятирублевки.

В рассказе «Интрига» Чехов рисует образ доктора Шелестова, занятого не столько лечением больных, сколько склоками, интригами, сплетнями. Мысли Шелестова, намеревающегося на собрании научного общества разоблачить своих «врагов», избличают в нем мелкого, подленького человека.

Доктор Булавин («Три года») — сварливый, нечистоплотный человек. В том же городе, где живет Булавин, есть еще двадцать восемь докторов. Все они нажили состояние, живут в собственных домах и в то же время ничего не знают, ничем не интересуются.

Военный врач Самойленко («Дуэль») — по-своему неплохой, честный, добрый и искренний человек. Однако медицину он давно забыл и забросил. Теперь он с удовольствием занимается приготовлением вкусных обедов и больше всего любит, чтобы солдаты и фельдшера называли его «ваше превосходительство».

В пьесе «Три сестры» Чехов создал образ другого военного врача, Чебутыкина, который за всю свою жизнь не прочел ни одной книги. «Думают, что я доктор, умею лечить всякие болезни, — говорит он о себе, — а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего... Кое-что я знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню...».

О судьбе земского врача Дмитрия Ионыча Старцева говорится в рассказе «Ионыч». Старцев когда-то был полон надежд, мечтал о какой-то красивой жизни, однако постепенно огрубел, опустился, забыл все, что знал раньше. В душе его замерли благородные чувства и единственным наслаждением Ионыча стало считать каждый вечер деньги, полученные от пациентов.

В рассказе «Палата № 6», повествующем о жизни земской больницы в уездном городке, Чехов создал образ врача-карьериста и стяжателя Хоботова. Духовный облик этого врача Чехов раскрывает несколькими словами: «Во всей квартире у него есть только одна книга — „Новейшие рецепты венской клиники за 1881 год“. Идя к больному, он всегда берет с собой и эту книжку».

Отрицательные образы врачей имеются и в других повестях и рассказах Чехова, в которых он говорит об их некультурности, стяжательстве, взяточничестве, он рисует их как верных слуг хозяев жизни, вместе с ними обирающих и обманывающих народ.

Но Чехов создал немало положительных образов врачей, главным образом земских, — людей, близких к народу, стремящихся облегчить его тяжелую жизнь, мечтающих о новой прекрасной жизни.

Чехов тепло описывает жизнь этих тружеников, эксплуатируемых буржуазным обществом.

С первых же страниц рассказа «Жена» Чехов переносит читателя в мрачную обстановку голодающей деревни Пестрово.

Местного барина Павла Андреевича тревожат сведения, поступающие из голодающей деревни. Вот только что ему сообщили, что крестьяне сдирают солому с крыш, чтобы прокормить скот, и что голодающие мужики утащили из амбара двадцать кулей ржи. Павел Андреевич считает себя честным человеком, но, узнав о краже, он ставит на ноги все уездные власти, чтобы найти воров.

Жена Павла Андреевича — Наталья Гавриловна — стремится организовать благотворительную помощь голодающим, но для нее это дело — прежде всего попытка наполнить свою пустую жизнь каким-нибудь содержанием. Среди людей, большей частью равнодушных к страданиям голодающих крестьян, выделяется честный труженик — врач Соболев, который не знает ни покоя, ни отдыха.

«Две ночи не спал! — говорит он. — Одну ночь с роженицей, а другую, всю напролет, клопы кусали, у мужика ночевал. Спать хочу, понимаете ли, как сатана...».

И так каждый день, всю жизнь.

«...Целый день то в больнице, то в разъездах, — говорит он далее, — и, клянусь вам, экчеленца, не только что к любимой женщине съездить, но даже книжки прочесть некогда. Десять лет ничего не читал. Десять лет, экчеленца!».

Доктор Соболев с тоской говорит о том, что каторжный труд в земстве лишает его возможности следить за наукой и литературой, участвовать в культурной жизни. Он мучается от того, что среди окружающих очень мало образованных интеллигентных людей, с кем можно было бы отвести душу.

И, несмотря на тяжелый труд, Соболев не может жить сколько-нибудь по-человечески: средств так мало, что порой табаку купить не на что. Одна радость — хоть изредка в глуши, где он живет, встретишь культурных людей.

«Верите ли, — говорит Соболев, — от радости, что хороших людей увидел, даже сон прошел. Я мужик, одичал в глуши, огрубел, но я все-таки, господа, интеллигентный человек и искренне говорю вам: тяжело без людей!».

А чем лучше, краше жизнь земского врача Михаила Ивановича («Княгиня»)?

Молодой, красивой княгине Варваре Гавриловне кажется, что за ее «доброту» и «благотворительность» она всеми любима. И только доктор Михаил Иванович, случайно встретившийся с княгиней в мужском монастыре, говорит ей правду в лицо, срысывает маску с этой самовлюбленной, жестокой эгоистки¹.

¹ «Пишу для „Нового времени“ рассказ. Описываю одну поганую бабу» — сообщал А. П. Чехов Суворину 15 ноября 1888 г., имея в виду «Княгиню».

Он говорит ей о том, что она глубоко равнодушна к людям и видит в них только игрушек, болонок, которыми она забавляется.

«...Как вы обращаетесь со своими служащими!... Вы их за людей не считаете и третируете, как последних мошенников. Например, позвольте вас спросить, за что вы меня уволили? Служил десять лет вашему отцу, потом вам, честно, не зная ни праздников, ни отпусков, заслужил любовь всех на сто верст кругом, и вдруг в один прекрасный день мне объявляют, что я уже не служу! За что? До сих пор не понимаю! Я, доктор медицины, студент Московского университета, отец семейства, такая мелкая и ничтожная сошка, что меня можно выгнать в шею без объяснения причин! Зачем со мной церемониться? Я слышал потом, что жена, без моего ведома, тайком ходила к вам раза три просить за меня, и вы ее не приняли ни разу. Говорят, плакала в передней. И я этого никогда не прощу ей, покойнице! Никогда!».

С большим драматизмом рисует Чехов жизнь земского врача Кирилова в рассказе «Враги». Сюжет этого рассказа как будто прост и обыденен. Но за этой простотой показано и горе человеческое, и оскорбленное достоинство человека.

У доктора Кирилова умер его единственный сын. Горе Кирилова безгранично. Страдает и тоскует с ним и его больная жена. В эти тяжелые для доктора часы к нему приезжает помещик Абогин и просит, требует, умоляет, чтобы Кирилов немедленно поехал с ним к его тяжело заболевшей жене. Кирилов настолько ошеломлен своим несчастьем, что вначале даже толком не понимает, что от него требуют. Затем он просит оставить его в покое: не может же он оставить больную жену одну. Но Абогин настойчив, и доктор в конце концов едет к нему.

Но когда они приезжают, оказывается, что жена Абогина только притворилась больной и, отослав мужа за доктором, бежала из дому со своим любовником.

Когда до сознания Кирилова доходит все происшедшее, он потрясен и глубоко оскорблен.

«Позвольте, как же это? — спрашивает он... У меня умер ребенок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... И что же? Меня

заставляют играть в какой-то пошлой комедии, играть роль бутафорской вещи!».

«...Зачем вы меня сюда привезли? — продолжает доктор. — Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то причем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйте гуманными идеями, играйте (доктор покосился на футляр с виолончелью) — играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!».

Вспышка гнева Кирилова приводит Абогина в недоумение. «Позвольте, что все это значит?» — спрашивает он. «А это значит, что низко и подло играть так людьми. Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами...» — отвечает Кирилов.

В рассказе «Враги» страдает и Кирилов и Абогин. Но, судя по тому, с какой теплотой описывает Чехов положение земского врача Кирилова, видно, что симпатии писателя на его стороне.

О жизни земского доктора повествует Чехов и в рассказе «Неприятность».

Врача Григория Ивановича Овчинникова во время одного из утренних обходов вывели из себя порядки в больнице. Фельдшерица небрежно относилась к своим обязанностям, фельдшер, участвовавший в обходе, был пьян и в ответ на замечания доктора грубил и дерзил.

Вдруг случилось нечто невероятное: в состоянии сильного раздражения Овчинников неожиданно для себя ударил фельдшера... Он не может простить себе этого поступка, происшедшее угнетает его. При встрече с фельдшером Овчинников предлагает ему подать на него, как на обидчика, в суд, что фельдшер и сделал.

До разбора дела в суде Овчинников в беседе со знакомым ему судьей с горечью говорит о положении земского врача:

«Что я могу сделать, если земство ставит нас, врачей, ни в прош, если оно на каждом шагу бросает нам под ноги поленья?».

...Предводитель изо всех сил старается доказать, что все мы нигилисты, шпионит и третирует нас, как своих

дисарей... Я работаю ют утра до ночи, отдыха не знаю, я нужнее здесь, чем все эти вместе взятые юродивые, святоши, реформаторы и прочие клоуны! Я потерял на работе здоровье, а меня вместо благодарности попрекают куском хлеба!..».

Овчинников мучается своим тяжелым, подневольным положением, страдает от того, что мог ударить человека. А председатель земской управы превращает эту трагедию доктора в пошлый фарс. Явившись до начала суда, он «разносит» доктора за то, что тот так глупо вел себя, заставляет фельдшера извиниться перед доктором — и кончает дело.

Председатель земской управы чувствует себя полновластным хозяином, который вправе казнить и миловать.

Морально подавленный всем происшедшим, Овчинников с горечью говорит: «Это... это комедия! Это гадко! Я не могу. Лучше двадцать раз судиться, чем решать вопросы так водевильно...».

Чехов показал в этом рассказе честного, умного, культурного человека, врача, поставленного в невыносимые условия, утомленного, замученного, издерганного жизнью человека, которому невыносимо жить в обстановке произвола.

Особое место среди образов врачей, созданных Чеховым, занимает образ доктора Астрова («Дядя Ваня»). Именно этого героя Чехов сделал выразителем своих самых заветных, самых любимых мыслей о красоте родной русской земли, о радостной счастливой жизни, ожидающей человечество, о необходимости трудиться во имя этой будущей жизни.

Чехов показывает трагичность положения Астрова, его полное одиночество, безрадостную тяжелую жизнь.

Вспоминая о прошлом, Астров с болью говорит няньке Марине:

«...В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался... От утра до ночи все на ногах, покоя не знаю... За все время, пока мы с тобой знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудачки, сплошь одни чудачки, а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам незаметно для себя становишься чудачком...».

В этих словах Астрова Чехов раскрыл судьбу русской трудовой интеллигенции — земских врачей, честно служивших народу и разделявших с ним тяготы жизни.

В рассказе «Беглец» Чехов сумел показать за внешней грубоватостью и резкостью земского доктора его мягкую душу, доброе сердце. Надо быть человеком большой души, по-настоящему любить людей, чтобы суметь так быстро войти в доверие к ребенку и покорить его сердце, как это сделал врач больницы, к которому привели мальчика Пашку.

Доктор разгадал и страх мальчика, и горечь предстоящей разлуки с матерью. Он по-хорошему, по-доброму говорит Пашке: «Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу. В гости вместе пойдем! А? хочешь?» И Пашка соглашается остаться в больнице. Однако ночью ему стало невыносимо страшно, и он решил бежать из больницы... Но вдруг в освещенном окне он увидел своего чудесного, доброго доктора и, смеясь от счастья, побежал к нему...

Чехов рисует в своих произведениях, главным образом, земских врачей. Но и среди городских врачей видел он беззаветных тружеников, благородных, честных, самоотверженных людей. С глубоким сочувствием рисует Чехов образ Осипа Дымова в рассказе «Попрыгунья».

Нескладно сложилась жизнь этого талантливого и честного врача-ученого. Жена его Ольга Ивановна, «попрыгунья», считала своего мужа неинтересным человеком. Своим поведением она искалечила его жизнь, оскорбила его искреннее, большое чувство. И только тогда, когда муж ее погибал, заразившись дифтерией, высасывая у ребенка пленку из горла, Ольга Ивановна поняла, что это был за человек.

Чехов подчеркнул в Дымове его скромность, душевную чистоту и беззаветную преданность своему делу, науке.

Доктор Коростелев, потрясенный нелепой смертью своего друга, говорит о нем:

«Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем!..».

А какая нравственная сила?.. Добрая, чистая, любящая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки... А работал, как вол, день и ночь...».

Среди ранних произведений Чехова есть сказка «Наивный леший», в которой Чехов сатирически заостренно изображает многие стороны современной ему жизни. Говорит он и об унижительном, подневольном положении врачей.

Герой сказки — леший перечисляет русалке профессии, которые выполнял в своей жизни. Был он брандмейстером, был и почтмейстером, был педагогом и врачом Московского воспитательного дома. Но оказалось, что здесь, кроме писания рецептов и посещения палат, от лешего потребовали еще реверансов, книжсенов и умения с достоинством сидеть на запятках.

«Старший доктор Соловьев... требовал, — говорит наивный леший, — чтобы я делал ему глазки. Когда я сказал, что реверансы и глазки не преподаются на медицинском факультете, меня сочли за вольнодумца и не помнящего родства».

О тяжелом, порой унижительном положении врача в дореволюционной России вспоминает известный профессор, учитель Антона Павловича, В. Ф. Снегирев.

Кто не помнит, — рассказывал он, — как врачи стояли у притоки, не смея сесть, как были „врачи, которые могли лечить только крепостных, как были домашние врачи, походившие на каких-то часовщиков, являвшихся во фраках в установленные часы справляться о здоровье господ, за что милостиво выдавали им вознаграждение из конторы и отпускали „пайки“ к празднику: мукой, овсом, птицей, и пр., которых иногда допускали и иногда терпели, но на труд, советы и время которых смотрели... скорее как на обстановку, чем на насущную необходимость»¹.

Если в таком положении были привилегированные врачи, то можно себе представить, в каком положении находились врачи, лечившие широкие массы населения! И Чехов выступает в защиту этих честных тружеников и в своем творчестве, и в письмах.

«Помню я, — пишет в своих воспоминаниях об Антоне Павловиче А. И. Куприн, — как однажды он рассердился, когда кто-то начал свысока третировать медицину по роману Золя „Доктор Паскаль“».

— Золя ваш ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете, — сказал он, волнуясь и покашливая. — Пусть бы он поехал и посмотрел, как работают наши земские врачи и что они делают для народа.

И кто же не знает, какими симпатичными чертами, с какой любовью и как часто описывал он этих чудных тружеников, этих неизвестных и незаметных героев, сознательно осуждающих свои имена на забвение? Описывал, даже не щадя их»¹.

«Чтобы хорошо жить, — по-человечески, — надо же работать! Работать с любовью, с верой, — говорил Антон Павлович. — А у нас... доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме „Новостей терапии“, не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни простудного происхождения»².

* *

Земские врачи законно считали Чехова своим родным писателем. И за рассказанную русскому обществу правду о них, за благородное заступничество они отвечали Чехову горячей и искренней любовью.

В 1902 г. состоялся VIII Пироговский съезд врачей. Врачам, собравшимся на этом съезде, Художественный театр показал пьесу Чехова «Дядя Ваня». Пьеса произвела на них огромное впечатление: в жизни земского врача Астрова они увидели изображение своей тяжелой жизни, своей собственной судьбы — судьбы русского интеллигента, работающего в глухих углах царской России.

После спектакля делегаты съезда отправили писателю телеграмму, в которой писали: «Земские врачи глухих уголков России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища и навсегда сохраняют память об 11 января»³.

Телеграмму с выражением любви и признательности получил Чехов и от друзей — делегатов съезда. Для поднесения портрета Антона Павловича его жене

¹ А. И. Куприн, Памяти Чехова. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 425.

² А. М. Горький, А. П. Чехов. Сочинения, т. XXII, стр. 39, М., 1931.

³ 11 января врачи смотрели спектакль «Дядя Ваня».

О. Л. Книппер от Пироговского съезда была избрана почетная делегация (председатель — проф. Капустин, члены — Моллесон и Тезяков).

Во все дни съезда Чехов, живший тогда в Ялте, находился в большом волнении. Вначале ему не терпелось узнать, как врачи встретят его пьесу.

«Опиши мне спектакль, какой будет для врачей, — просил он в письме жену. — Постарайтесь, играйте лучше...».

Антон Павлович обрадовала и растрогала телеграмма участников съезда.

«Дорогой Петр Иванович, — писал Чехов Куркину 13 января 1902 г., — вчера я получил две телеграммы от членов съезда и сегодня одну от Е. А. Осипова. Такой чести я не ожидал и не мог ожидать, и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам».

Е. А. Осипову Чехов писал: «Во время съезда я чувствовал себя принцем, телеграммы поднимали меня на высоту, о какой я никогда не мечтал...».

Эти письма Чехова, его волнения, связанные с тем, как встретят врачи его пьесу, одним из героев которой является врач, лишний раз подтверждают, что до конца своей жизни Антон Павлович не утратил горячего интереса к врачам и медицине.

* * *

А. П. Чехов показал в своих произведениях жизнь рядовых, «маленьких людей», раскрыл перед читателем думы, настроения и чаяния трудовой, демократической русской интеллигенции. Писатель-демократ, он в народных массах видел главную силу человеческого общества и мечтал о том времени, когда массы эти займут в обществе принадлежащее им по праву место.

Мечты писателя-гуманиста осуществились в советском социалистическом государстве, где труд простого, скромного человека, направленный на благо народа, окружен почетом и уважением.

Советская интеллигенция, как и все трудящиеся нашей страны, руководится в своей деятельности высокими и благородными идеями служения народу и социалистической родине, верности Коммунистической партии — вдохновительнице подлинного прогресса, культуры и социалистического гуманизма.

В нашей стране, где забота о благе человека, процветании народа является высшим законом Коммунистической партии и Советского государства, огромная армия врачей с энтузиазмом трудится над выполнением своей благородной задачи — предупреждать болезни; охранять жизнь и здоровье советских людей, бороться за их счастливую, долголетнюю жизнь.

В советской стране врач не чувствует себя одиноким, подобно Астрову, Соболю, Михаилу Ивановичу и другим героям произведений Чехова. Кровно связанный с народом, с его нуждами и чаяниями, советский врач чувствует к себе внимание и уважение широких масс населения.

Положительный образ советского врача занял прочное место в нашей литературе. Благородная мечта Платона Кречета (Корнейчук — «Платон Кречет») — продлить жизнь человека, вырвать у смерти миллионы солнечных дней — зажигает энтузиазмом сердца советских юношей и девушек, посвящающих свою жизнь благородной профессии врача.

С волнением читаем мы повесть украинского писателя Я. Баша «Профессор Буйко», прототипом главного героя которой был советский ученый, профессор Киевского медицинского института Буйко, павший смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Книги советских писателей рассказывают о работе врачей во всех концах нашей страны, говорят об их трудном и благородном деле.

На далеком севере, где в дореволюционные годы «лечили» людей только шаманы, с энтузиазмом работает советский нейрохирург Иван Иванович (Коптяева — «Иван Иванович»).

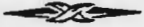
Врач Савельев, работающий на золотых приисках и зимовьях, не останавливается ни перед какими трудностями и преградами, когда речь идет о спасении советского человека (Югов — «Бессмертие»).

Благородный труд врачей и медицинских работников в советской деревне показан в фильме «Сельский врач». Как не похожа жизнь врачей этой больницы на ту, которую так ярко изображал Чехов в своих произведениях! Какой полнокровной жизнью живут они, как тесно связаны они с интересами населения!

В тесном содружестве работают старый земский врач и молодой специалист Татьяна Казакова, герои этого

фильма. Для них нет более благородной задачи, нежели лечить, охранять жизнь и здоровье советских людей, оздоравливать их труд и быт.

Не об этих ли чертах характера врачей мечтал писатель-демократ Чехов? Своим замечательным творчеством, проникнутым глубоким гуманизмом, он во многом помог формированию этих положительных качеств советских врачей.

III. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ А. П. ЧЕХОВА

Тяжелый недуг — туберкулез — свел раньше времени в могилу великого русского писателя. Возникает вопрос: как же мог он, образованный врач, не обратить серьезного внимания на грозные симптомы болезни, игнорировать их и тем самым «просмотреть» свою болезнь?

Над этим вопросом, повидимому, задумывался и сам Антон Павлович. «Как это я мог прозевать у себя приглушение?», — писал он огорченно брату Михаилу, когда уже в 1897 г. в клинике узнал от профессора А. А. Остроумова правду о своей болезни.

В первый раз Чехов обнаружил у себя кровохаркание в 1884 г. в Окружном суде, где он присутствовал в качестве репортера. Ему не хотелось тогда верить, что это кровохаркание — предвестник туберкулеза. Уже спустя несколько лет Антон Павлович, вспоминая о нем, писал:

«Впервые я заметил его (кровохаркание — И. Г.) три года назад в Окружном суде, продолжалось оно дня 3—4... Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в году замечал у себя кровь, то обильно текущую, то-есть густо красящую каждый плевок, то не обильно; каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве. Когда же нет крови, я не волнуюсь и не угрожаю литературе „еще одной потерей“. Дело в том, что чахотка или иное легочное страдание узнается по совокупности... Если бы то, кровохаркание, которое у меня случилось в Окружном.

суде, было симптомом начинающейся чахотки, то я давно уже был бы на том свете, вот моя логика»¹.

Будучи во власти такой «оптимистической логики», Антон Павлович не занялся серьезным исследованием характера своей болезни; больше того, он отваживается на поездку на остров Сахалин, а по тем временам это был настоящий подвиг даже для здорового человека. Вспомним, что ехать пришлось тысячи километров до Амура в кибитке, а затем — на пароходе. Антону Павловичу часто приходилось ехать в сырой одежде и в насквозь промокших валенках, — ведь большая часть путешествия пришлось на самую весеннюю распутицу.

Неудивительно, что в пути у него было кровохаркание. В письме к сестре (от 14—17 мая 1890 г.) он сообщает:

«От напряжения, от частой возни с чемоданами... у меня по утрам бывало кровохаркание, которое наводило на меня нечто вроде уныния, возбуждая мрачные мысли...».

Чехов приехал с Сахалина и с головой ушел в работу, а болезнь все чаще давала себя чувствовать. В ноябре 1891 г. Антон Павлович писал:

«Я продолжаю тупеть, дуреть, равнодушать, чахнуть и кашлять и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется к прежнему своему состоянию»².

Мысль о серьезном характере болезни и тревога закралась в сердце писателя. Но ему все же хотелось верить, что болезнь нетуберкулезного характера. И только в марте 1897 г., когда у него обильно пошла кровь горлом, и доктор Оболенский отвез его в клинику Остроумова, Антон Павлович узнал правду о своей болезни.

В письме к знакомому ялтинскому врачу Л. В. Средину Чехов писал:

«Я каждый март понемногу плевал кровью, в этом же году кровохаркание затянулось и... пришлось лечь в клинику. Здесь эскулапы вывели меня из блаженного неведения: нашли у меня в обеих верхушках хрипы, вы-

¹ В «Хронологической канве жизни и творчества Чехова» С. Балухатый, придерживаясь, повидимому, этой версии Антона Павловича, пишет: «1884 г. Первое заболевание (нетуберкулезное кровохаркание)». См. А. П. Чехов, Полное собрание сочинений. М., 1931.

Думается, что ошибался Антон Павлович, а с ним и С. Балухатый.

² Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 18 ноября 1891 г.:

дох и притупление в одной правой. Лежал я в клинике 15 дней, кровь шла около 10 дней»¹.

Из писем Чехова видно, что Остроумов стал для него авторитетным врачом и советчиком. В мае 1903 г. он пишет сестре Марии Павловне: «Сегодня был у профессора Остроумова, он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение легких (эмфизема) и катарр кишок и проч. и проч.»².

В июле Антон Павлович вновь пишет, что профессор Остроумов нашел у него эмфизему, дурное правое легкое и остатки плеврита. Почему же все-таки Чехов, несмотря на наличие серьезных симптомов, не обратил внимания на свою болезнь?

Это прежде всего следует объяснить тем, что жизненнолюбивый писатель, охваченный пафосом творчества, находился во власти «оптимистической логики»: ему хотелось верить, что кровохаркание — не симптом туберкулеза, а всего лишь случайность, эпизод, что в конце концов все обойдется и будет по-хорошему.

В письме к жене своего однокурсника Д. П. Савельева — Е. И. Савельевой Чехов, сообщая ей о кровохаркании, шутит, но здесь чувствуется уже некоторая тревога.

«Нездоровье мое (речь идет о кровохаркании. — И. Г.) немножко напугало меня и в то же время (бывают же такие фокусы) доставило мне немало хороших, почти счастливых минут. Я получил столько сочувствий искренних, дружеских, столько, что мог вообразить себя аркадским принцем, у которого много царедворцев. До болезни я не знал, что у меня столько друзей»³.

Имеется и другая причина, которая привела к тому, что болезнь была запущена, и о ней рассказала автору настоящей работы жена писателя Ольга Леонардовна: «Чехов не любил лечиться. Приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы заставить Антона Павловича дать себя выслушать. Лучшим и испытанным средством было самой прикинуться больной... И уже когда приходил врач, то заодно давал себя выслушать и Чехов».

¹ Из письма А. П. Чехова Л. В. Средину от 2 мая 1897 г.

² Из письма А. П. Чехова М. П. Чеховой от 23 мая 1903 г.

³ Из письма А. П. Чехова Е. И. Савельевой от 2 января 1885 г.

Сам Чехов в письме к Суворину писал: «...Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю...»¹.

Это писал Чехов в 1891 г., когда он не знал еще, что болен туберкулезом, однако, и позже он всегда неохотно бывал у врачей и лечился. Это обстоятельство несомненно способствовало обострению болезни.

Некоторые биографы Чехова считают, что в обострении туберкулезного процесса роковую роль сыграли переживания, связанные с провалом его пьесы «Чайка» на сцене Александринского театра в Петербурге в 1896 г. Об этом пишет В. Ермилов, об этом сообщает и сестра писателя Мария Павловна и ряд друзей Антона Павловича.

Из писем Чехова и воспоминаний друзей видно, что волнения и переживания его начались еще до премьеры пьесы.

«...„Чайка“ идет неинтересно, — сообщает Чехов своей сестре. — В Петербурге скучно, сезон начнется только в ноябре. Все злы, мелочны, фальшивы... Вообще настроение неважное...».

«Актеры ролей не знают... Ничего не понимают. Играют ужасно. Одна Комиссаржевская хороша. Пьеса провалится...»².

Тяжелые предчувствия Чехова оправдались: публика, собравшаяся на первое представление «Чайки», поставленной в бенефис комической актрисы Левкеевой, — в основном среднее чиновничество, купечество и т. п., не поняла ни глубоких мыслей, заложенных в пьесе, ни новаторства драматурга, и спектакль провалился.

«Жестокий провал „Чайки“, которого я была свидетельницей, — пишет Мария Павловна, — надолго остался в моей памяти кошмарным воспоминанием. Но еще большее огорчение и тяжесть он оставил в душе Антона Павловича и, без сомнения, ускорил ухудшение его здоровья. Всего лишь три месяца прошло после этого, как Антон Павлович попал в клинику Остроумова в связи с легочным кровотечением, где и был впервые

¹ Из письма А. П. Чехова Суворину от 18 ноября 1891 г.

² М. П. Чехова, Из далекого прошлого. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 297.

Палата № 14 в клинике госпитальной терапии (ныне I Московского ордена Ленина медицинского института), где в 1897 г. лежал А. П. Чехов.

поставлен угрожающий диагноз, изменивший всю нашу жизнь»¹.

Об этом же свидетельствует и близко знавший Чехова писатель И. Л. Щеглов. Смертельная обида непонимания, нанесенная Антону Павловичу, — пишет он, — была одной из причин того, что «уже ранней весной следующего года... Чехов лежал в Московской клинике с явно обнаруженными признаками чахотки»².

Ялтинский врач И. Н. Альтшуллер, лечивший Чехова, считает, что туберкулезный процесс мог обостриться вследствие того, что Антон Павлович в последние несколько лет своей жизни чаще прежнего ездил из Ялты в Москву и не всегда в благоприятное для его здоровья время. В результате за каждую поездку он расплачивался обострением болезни. Об этом же пишет в своих воспоминаниях о Чехове хорошо знавший его врач и писатель С. Я. Елпатьевский.

Мы уже говорили, как пагубно сказалось на здоровье А. П. Чехова поездка на о. Сахалин. Об этом говорят в своих воспоминаниях многие друзья Чехова, в частности, Г. И. Россолимо. Тяжесть пути, напряженнейший труд, моральные переживания писателя, столкнувшегося с самыми страшными сторонами российской действительности, — все это тяжело сказалось на его здоровье.

Трудно, таким образом, сказать, кто более прав в объяснении причин, приведших Чехова к тяжелой болезни. Надо полагать, что в известной мере правы все.

Верно то, что Чехов в начале своей болезни не лечился и... запустил болезнь. Верно и то, что провал «Чайки» пагубно сказался на нервной системе писателя, что не могло, конечно, не сказаться на обострении туберкулеза: роль центральной нервной системы в этом, как и в каждом заболевании человека, в настоящее время никем уже не оспаривается.

Правы те, кто считают, что роковую роль сыграла также поездка на остров Сахалин. Наконец, Чехов всю свою жизнь напряженно работал и почти всегда нуждался: великий русский писатель не имел достаточных средств для настоящего лечения! Только под конец жиз-

¹ М. П. Чехова, Из далекого прошлого. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 300.

² И. Л. Щеглов, Из воспоминаний об Антоне Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 135.

ни он мог считать в какой-то мере себя обеспеченным, однако все же не настолько, чтобы в течение года-полугода прожить в соответствующих климатических условиях, не занимаясь постоянным литературным трудом.

И какой же пошлостью по отношению к великому русскому писателю веет от рассуждения В. М. Фриче, который в своей статье о Чехове пишет, что мещанская среда, взрастившая писателя, оставила на нем глубокий отпечаток. Это, по мнению В. М. Фриче, сказалось прежде всего в том, что Чехов писал из-за денег, что деньгам он всегда придавал огромное значение.

* * *

«Оптимистическая логика», часто присущая туберкулезным больным, не покидала писателя до последних дней его жизни.

За две недели до смерти, 17 июня 1904 г., Чехов писал Г. И. Россолимо из Баденвейлера: «Дорогой Григорий Иванович, я уже выздоровел, остались только одышка и сильная, вероятно, неизлечимая лень. Очень похудел и отошал. Боли в ногах и руках прошли еще до Варшавы...». Далее Антон Павлович сообщает, что пробудет в Германии 3—4 недели, после чего поедет в северную Италию, а затем к себе в Ялту.

П. И. Куркину Чехов пишет 12 июня, что чувствует себя хорошо, ест великолепно. «Здоровье входит не золотниками, а пудами». Об этом же пишет Антон Павлович и редактору «Русских ведомостей» В. М. Соболевскому и Марии Павловне.

За три дня до смерти Чехов писал Россолимо, что мечтает о поездке в Россию Средиземным и Черным морями.

Об этой же мечте, охватившей Антона Павловича в последние дни его жизни, рассказала автору настоящей работы Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: писатель с большим интересом изучал маршруты предстоящей поездки и внимательно читал справочники и путеводители.

* * *

Знал ли тонкий психолог и врач Чехов о том, что туберкулезным больным иногда присуще слишком оптимистически смотреть на состояние своего здоровья?

Повидимому, знал. И об этом свидетельствует его замечательный по глубине психологического рисунка рассказ «Учитель».

Федор Лукич Сысоев, учитель фабричной школы, готовился к торжественному обеду, устроенному директором фабрики в связи с успешно прошедшими экзаменами. Сысоеву нездоровилось; целый час стоял он перед зеркалом, надевая модную сорочку, а когда ему принесли вычищенные штиблеты, у него не хватило сил натянуть их на ноги. Пришлось полежать и выпить воды.

На обеде говорили много хорошего о Сысоеве как педагоге, но он был сильно не в духе, мнителен и раздражен. Особенно раздражало его то обстоятельство, что окружающие уделяли большое внимание его здоровью (он был болен туберкулезом).

Во время речи директора фабрики, немца Бруни, Федор Лукич вдруг услышал слова, которые привели его в полное смятение: Сысоеву, дескать, нечего тревожиться, так как семья его будет обеспечена.

Почему же семья, а не он сам? — подумал Сысоев. И что-то страшное наполнило сердце учителя: он начал догадываться о тяжелой истине... и вдруг заплакал...

Вернувшись домой, Сысоев прежде всего посмотрел на себя в зеркало. Напрасно я там разревелся, — подумал он. — Сегодня у меня цвет лица гораздо лучше, чем вчера. У меня малокровие и катарр желудка, а кашель у меня желудочный.

Это успокоило Сысоева. Он разделся, подошел к столу, где лежала стопка ученических тетрадок, и углубился в созерцание красивого детского почерка...

А в это же время земский врач шопотом говорил его жене, что не следовало бы отпускать на обед человека, которому осталось жить не более недели.

* * *

В последние годы своей жизни в Ялте Чехов, повидимому, иногда отдавал себе отчет в серьезности своего положения.

«Однажды, лежа на диване, сухо покашливая, играя с термометром, — вспоминает А. М. Горький, — Чехов сказал: «Жить для того, чтобы умереть, вообще неза-

А. П. Чехов в 1904 г.

бавно, но жить, зная, что умрешь преждевременно, уже совсем глупо»¹.

В 1904 году Антон Павлович поехал с женой в Германию, на курорт Баденвейлер (Шварцвальд).

Вот как описывает Ольга Леонардовна последние часы жизни писателя:

«В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором... Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего...

Пришел доктор (Шверер, лечивший Антона Павловича. — И. Г.), велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки „Ich sterbe“. Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...»².

Врач Шверер также сообщает, что Чехов «умер удивительно спокойно».

* * *

В июльский день 1904 г. на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве хоронили великого русского писателя, врача и человека большой души Антона Павловича Чехова.

У свежей могилы психиатр Н. Н. Баженов сказал в прощальной речи:

«Пусть вместе со славой мирового писателя в сердцах людей живет память о том, кто украсил собой русскую медицинскую науку».

¹ М. Горький, Сочинения, т. XXII, стр. 45, М., стр. 50, 1931.

² О. Л. Книппер-Чехова, Последние годы, Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 513.

Надгробный памятник А. П. Чехову на Новодевичьем кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антон Павлович Чехов близок и дорог нам в первую очередь как замечательный русский писатель-демократ. Мы в этой книге попытались подчеркнуть и другую важную сторону его биографии — это тяготение к медицине. Чехов несомненно был образованным врачом своего времени. Несомненно и то, что медицинские, естественно-научные знания обогатили его творчество и позволили ему глубже проникнуть в психологию своих героев, вернее изображать ее.

Чехов любил медицину, пристально следил за ее развитием и с глубоким уважением относился к врачебной профессии. Совершенно естественно, что, став писателем, он медицину как профессию должен был оставить, однако с практической врачебной работой не расставался почти до конца своей жизни.

Огромный интерес Чехова к медицине сказался в глубоком его внимании к ее истории, в поддержке медицинской прессы, в особой привязанности к общественной медицине, особенно земской.

Высказывания Чехова в письмах и его художественные произведения убедительно показывают, что медицинские, естественно-научные знания способствовали формированию у него материалистического мировоззрения, а близкое знакомство с взглядами выдающихся корифеев медицины — Боткина, Захарьина, Остроумова, Кожевникова, Склифосовского, Эриомана и др. — позволило ему занимать в медицине прогрессивные позиции.

Воспитанный на передовых идеях русской медицины, Чехов в своих художественных произведениях правильно и глубоко вскрывал корни массовых болезней и показывал, что пути их преодоления лежат в изменении социальных условий жизни трудящихся масс, в оздоровлении условий их труда и быта.

Правдивый художник, Чехов показал в своих произведениях врачей, которые позорили свою благородную профессию недобросовестным отношением к делу, превращая медицину в средство наживы. Но он с особой любовью говорил о врачах, которые честно и беззаветно служили народу и лечили население, несмотря на трудности и препятствия, которые они встречали на своем пути.

Врачебная деятельность была для Чехова, писателя-демократа, ареной общественного служения народу. Она же позволила ему ближе узнать жизнь простых русских людей, их нужды и страдания. Близость к русскому народу и его жизни определила многие черты творчества Чехова — оно насыщено идеями гуманизма и социального оптимизма; писатель-врач верил в светлое будущее своей страны, своего народа и страстно стремился к нему. Образы чеховских произведений до сих пор живут в сознании советского народа.

Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин неоднократно использовали образы чеховских персонажей в своих произведениях и докладах.

В статье «Социал-демократическая душечка» Владимир Ильич едко высмеивает меньшевика Потресова (Старовер).

«Тов. Старовер, — пишет Владимир Ильич, — очень похож на героиню Чеховского рассказа „Душечка“. Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер: „Мы с Лениным“ ругали Мартынова. „Мы с Мартыновым“ ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?»¹

В. И. Ленин использует образ героя чеховского рассказа «Человек в футляре» Беликова в статье «Близкий разгон Думы и вопросы тактики», в которой характеризует трусливую политику кадетов, этих «почтенных рыцарей народной свободы» перед лицом надвигающейся бури².

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 9, стр. 384.

² В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 12, стр. 159.

Этот же образ В. И. Ленин использовал также в заключительном слове по докладу СНК на III Всероссийском съезде Советов, произнесенном 12 (25) января 1918 г. Разоблачая сторонников «чистой демократии», В. И. Ленин указывал, что они «...не являются истинными представителями рабочего класса, а жалкие чело- веки в футляре, которые все время стояли далеко в стороне от жизни, спали и, заснув, под подушкой бережно держали старую, истрепанную, никому не нужную книжку, которая является для них путеводителем и учебником в деле насаждения официального социализма»¹.

К образу героя рассказа Чехова «Человек в футляре» обратился и Иосиф Виссарионович Сталин в заключительном слове по политическому отчету ЦК XVI съезду партии².

В статье «Головокружение от успехов»³, а также в своем ответе на письмо тов. Иванова товарищ Сталин использует образ чеховского героя унтера Пришибеова. Иосиф Виссарионович подчеркивает при этом, что в нашей стране не любят Пришибеевых»⁴.

Пятьдесят лет прошло со дня смерти А. П. Чехова. Однако его произведения близки и дороги советским людям. Чеховские герои учат нас любить свою родину, свой народ, трудиться во имя его светлого будущего.

Бесконечно дорога советскому народу память об А. П. Чехове — великом художнике, благородном человеке-гражданине.

«Я иногда задумывалась над тем, — пишет Т. Л. Щепкина-Куперник, — что делал бы Чехов, как он поступал бы, если бы ему суждено было дожить до великой революции. И у меня всегда готов ответ: Чехов был настоящий русский писатель, настоящий русский человек. Он... с головой ушел бы в строительство той новой жизни, о которой мечтал и он и его герои»⁵.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 26, стр. 430—431.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 13.

³ И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 195.

⁴ И. В. Сталин, Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина, Партиздат, 1938, стр. 14.

⁵ Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове, стр. 50, Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 296.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. ЧЕХОВА

- 1860 — 17 января. В Таганроге родился Антон Павлович Чехов.
1869 — Чехов поступает в Таганрогскую классическую гимназию.
1876 — Семья Чехова переезжает в Москву. Чехов остается один в Таганроге.
1879 — Чехов кончает Таганрогскую классическую гимназию, переезжает в Москву и поступает на медицинский факультет Московского университета.
1880 — 9 марта. В 10-м номере журнала «Стрекоза» напечатан первый рассказ А. П. Чехова «Письмо донского помещика Степана Владимировича к ученому соседу Фридриху».
1880—1887—А. П. Чехов активно сотрудничает в юмористических журналах, подписываясь различными псевдонимами (Антоша Чехонте, Человек без селезенки, Рувер, Улисс, Брат моего брата и др.).
1884 — А. П. Чехов окончил медицинский факультет. Начало медицинской практики. Работал в Чикинской земской больнице, в г. Воскресенске и в Звенигородской больнице.
1884—1885 — Собирает материалы для труда «Врачебное дело в России». Выход в свет первого сборника рассказов А. П. Чехова «Сказки Мельпомены».
1885—1887 — А. П. Чехов проводит летние месяцы в усадьбе Киселевых «Сабкино». Лечит местное население.
1886 — Письмо Д. В. Григоровича, в котором он советует А. П. Чехову бережно относиться к своему таланту писателя. Ответное письмо Чехова, в котором он благодарит за моральную поддержку. В письме Чехов, между прочим, пишет: «...Я врач и по уши втянулся в свою медицину...». Выход второго сборника произведений А. П. Чехова — «Пестрые рассказы».
1887 — Выход третьего сборника «В сумерках» и четвертого — «Невинные речи». Постановка пьесы А. П. Чехова «Иванов» в театре Корша.
1888 — Лето проводит в имении Линтваревых «Лука» Сумского уезда Харьковской губернии. Лечит местное население. Напечатаны: «Степь», «Огни», «Именины», «Припадок». Постановка водевилей «Медведь» и «Предложение».
1889 — Чехов в письмах А. С. Суворину (от 7 и 15 мая) излагает ему свои материалистические взгляды. Лето проводит в имении Линтваревых, лечит местное население. Напечатана «Скучная история».
1890 — Отъезд из Москвы на о. Сахалин (апрель) по маршруту:

- Москва, Нижний-Новгород, Тюмень, Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск, Николаевск. Приезжает на остров в июле. Работает по исследованию медико-санитарного, правового, бытового положения ссыльных и каторжан. В октябре выезжает с Сахалина, 9 декабря возвращается в Москву.
- 1891 — Поездка за границу: в Вену, Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, Париж. Лето проводит в Богимово, близ Алексино.
- 1892 — Участие в оказании помощи голодающим. Покупка усадьбы под Москвой в с. Мелихово Серпуховского уезда. Активная медико-санитарная деятельность вплоть до 1899 г. Напечатана «Палата № 6».
- 1893 — Жизнь в Мелихове. Участие в строительстве школ. Напечатаны «Рассказ неизвестного человека» и «Остров Сахалин».
- 1894 — Жизнь в Мелихове. Ухудшение в состоянии здоровья. Поездка за границу.
- 1895 — Встреча с Л. Н. Толстым. Выход отдельным изданием «Острова Сахалина».
- 1895—1897 — Активная помощь А. П. Чехова журналам «Хирургическая летопись» и «Хирургия».
- 1896 — Постановка пьесы А. П. Чехова «Чайка» на сцене Александринского театра. Опубликованы «Дом с мезонином», «Моя жизнь».
- 1897 — Обострение туберкулезного процесса. Пребывание в клинике А. А. Остроумова в Москве. Посещение Чехова в клинике Л. Н. Толстым. Напечатаны «Мужики». Отъезд за границу — в Париж, Биарриц, Байонну, Ниццу. Опубликована пьеса «Дядя Ваня».
- 1898 — Расхождение с А. С. Сувориным в связи с его позицией, занятой в процессе Дрейфуса. 12 октября смерть отца А. П. Чехова Павла Егоровича Чехова. Покупка участка в Ялте. Начало переписки с А. М. Горьким. Напечатаны «Случай из практики», «Человек в футляре».
- 1899 — Первая постановка пьесы «Дядя Ваня» в Художественном театре. Переезд с семьей в Ялту в связи с ухудшившимся здоровьем. 11 октября — посылка Г. И. Россолимо автобиографии (напечатана в альбоме врачей, окончивших Московский университет в 1884 г.).
- 1900 — Опубликование повести «В овраге». Избрание в почетные члены Академии по разряду изящной словесности. Поездка в Вену, Ниццу, Пизу, Рим.
- 1901 — Первая постановка пьесы «Три сестры» в Московском Художественном театре. Женитьба на артистке этого театра Ольге Леонардовне Книппер. Ухудшение здоровья. Поездка для лечения кумысом в Уфимскую губернию. Встреча с Л. Н. Толстым и А. М. Горьким, А. И. Куприным, И. А. Бунинным, С. Я. Елпатьевским и др.
- 1902 — Исключение А. М. Горького из Академии, в связи с чем А. П. Чехов и В. Г. Короленко подают заявление о выходе из Академии. Просмотр врачами — участниками 8-го Пироговского съезда — спектакля «Дядя Ваня» в Художественном театре (11 января).

Посылка приветственной телеграммы Чехову от участников просмотра.

- 1903 — Опубликование рассказа «Невеста».
- 1904 — Первый спектакль пьесы «Вишневый сад» в Художественном театре. Чествование А. П. Чехова в театре, в связи с двадцатипятилетием его литературной деятельности. Возвращение из Москвы в Ялту. Ухудшение здоровья. Отъезд для лечения на курорт Баденвейлер в Шварцвальде (Германия). 2 июля скончался Антон Павлович Чехов. 9 июля погребен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В. И., Письмо к земцам, Сочинения, изд. 4-е, т. 6, стр. 136—137.
- Ленин В. И., Социал-демократическая душечка, Сочинения, изд. 4-е, т. 9, стр. 384.
- Ленин В. И. Близкий разгон Думы и вопросы тактики, Сочинения, изд. 4-е, т. 12, стр. 159.
- Ленин В. И., Заключительное слово по докладу СНК на III-м Всероссийском съезде Советов, Сочинения, изд. 4-е, т. 26, стр. 430—431.
- Сталин И. В., Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б), Сочинения, т. 13, стр. 13.
- Сталин И. В., Головокружение от успехов, Сочинения, т. 12, стр. 195.
- Сталин И. В., Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина, Партиздат, 1938, стр. 14.
- Полное собрание сочинений. Под редакцией А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого, т. I—XII, ГИХЛ, М. — Л., 1930—1933.
- А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Под общ. ред. А. М. Еголина, Н. С. Тихонова, М., 1944—1950.
- Альтшуллер И. Н., Орывки воспоминаний об А. П. Чехове, Русские ведомости, 1914, № 151.
- Архангельский П. А., Из воспоминаний об А. П. Чехове. В кн.: Юрий Соболев, А. П. Чехов, Неизданные страницы, М., 1916.
- Бельчиков Н. Ф., Неизвестный опыт научной работы Чехова. В кн.: Чехов и его среда, Л., 1930.
- Батюшков Ф. Д., Антон Павлович Чехов. В кн.: История русской литературы XIX века, под редакцией Л. Н. Овсяннико-Куликовского, М., 1911, т. 5, стр. 187—215.
- Вересаев В. В., А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Горький М., А. П. Чехов, Сочинения, т. XII, М., 1931.
- Горький М. и Чехов А., Переписка, статьи, высказывания, М. — Л., 1937.
- Дерман А., А. П. Чехов, Критико-биографический очерк, М., 1939.
- Елпатьевский С. Я., Воспоминания за 50 лет, Л., 1928.
- Ермилов В., Драматургия Чехова, М., 1948.
- Ермилов В., Чехов, 1860—1904, М., 1949.
- Заславский Д., Мечта Чехова, Октябрь, 1944, № 12.
- Книппер-Чехова О. Л., Последние годы. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Кони А. Ф., Воспоминания о Чехове, Л., 1925.
- Короленко В. Г., Антон Павлович Чехов, Избранные произведения, Л., 1948.

- Куприн А. И., Памяти Чехова. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Куркин П. И., Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии, Общественный врач, 1911, № 4.
- Луначарский А. В., Предисловие к полному собранию сочинений А. П. Чехова. В кн.: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М. 1930, т. I.
- Лазарев-Грузинский А. С., А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Мартынов Д. А., Страничка из истории русской хирургической журналистики. А. П. Чехов и П. И. Дьяконов, Вестник хирургии, 1941, кн. 6.
- Немирович-Данченко В. И., О Чехове, Сочинения России июнь 1914.
- Немирович-Данченко В. И., Из прошлого, М., 1938.
- Никитин М. П., Чехов как изобразитель большой души. В кн.: Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма, СПб., 1905, вып. 1.
- Потапенко И. Н., Несколько лет с Чеховым. Воспоминания, Нива, 1914, № 27.
- Россолимо Г. И., Воспоминания о Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Россолимо Г. И., Автобиография А. П. Чехова, Русские ведомости, 1904, стр. 188.
- Сергеенко П., О Чехове. В сб. О Чехове. Воспоминания и статьи, М., 1910.
- Сеченов И. М., Автобиографические записки, М., 1945.
- Соболев Ю., Чехов, 1860—1904. Биографический набросок, М., 1916.
- Соболев Ю., Чехов, М., 1934.
- Соловьев З. П., Вопросы здравоохранения, М., 1948.
- Телешов Н. Д., А. П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Фриче В. М., А. П. Чехов, Биографический очерк, А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, М., 1930, т. I.
- Хижняков В. В., Антон Павлович Чехов как врач, М., 1947.
- Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Чехов М. П., Антон Павлович на каникулах. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников.
- Чехова М. П., Из далекого прошлого. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Членов М. А., Чехов и культура. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.
- Членов М. А., Чехов и медицина (отрывки из воспоминаний), Русские ведомости, 1906, № 91.
- Щеглов И. Л., Из воспоминаний об Антоне Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952, стр. 135.
- Щепкина-Куперник Т. Л., О Чехове. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников, М., 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. А. П. Чехов — врач	7
II. Врачи и медицина в творчестве А. П. Чехова	69
III. Болезнь и смерть А. П. Чехова	121
Заключение	132
Важнейшие даты жизни и деятельности А. П. Чехова	135
Список использованной литературы	138

Редактор *К. Т. БОГДАНОВА*
 Техн. редактор *К. К. Сенчило*
 Корректор *О. В. Соколова*
 Переплет художника *Л. С. Эрмана*

Сдано в набор 3.XI.1953 г. Подписано к печати 5.III.1954 г. Формат 84×108¹/₃₂. 2,19 бум. л. 7,16 печ. л. + 0,12 печ. л. (вкл.). 7,28 уч.-изд. л.
 Тираж 10 000 экз. Т01483. МН — 53.

Медгиз, Москва, Петровка, 12.
 Заказ 993. 1-я типография Медгиза, Москва, Ногатинское шоссе, д. 1.
 Цена 3 р. 60 к. Переплет 2 руб.